

F $\frac{59}{114}$

-2-

7 114

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

по

СУШЬ И МОРЕМЪ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

Издание М. Д. Ольхина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1843.

~~g 68~~
~~19~~

F 59

114

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО СУШѢ И МОРЯМЪ.

759
114

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО СУШѢ И МОРЯМЪ.

КНИЖКА ВТОРАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. П. Бочарова.

1843.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по напечатаніи представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземп-
ляровъ. С. Петербургъ. Сентября 25-го, 1843 года.

Ценсоръ А. О ч к и н ъ.

1500213991

РАЗСКАЗЪ СИПАЯ.

(Авганистанъ).

РАЗСКАЗЪ СИПАЯ.

(АВГАНИСТАНЪ).

—

Въ знойный лѣтній полдень, въ Тегеранѣ, у консульскаго дома постучался человѣкъ, весь въ ранахъ, едва покрытый рубищемъ одежды, и въ изнеможеніи прислонился къ стѣнѣ, ожидая, съ терпѣніемъ страдальца, пока отпрутъ дверь; но онъ не долго ждалъ, дверь отворилась и приняла странника подъ надежный, гостепріимный кровъ консульскаго дома. И только по истеченіи нѣкотораго времени, и только по обязанности, спросилъ почтенный консулъ объ имени

пришельца. «Я сипай, отвѣчалъ тотъ, чудомъ спасся отъ общаго истребленія индійско-британскаго войска въ Авганистанѣ и, проданный, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, въ отдаленныя провинціи, не могъ быть вырученъ своими соотечественниками. Предпочитая смерть вѣчному рабству, я рѣшился бѣжать,—и вотъ я передъ вами; но много, много тяжкихъ дней прошло, пока я достигъ до Тегерана.» И странникъ разсказалъ длинный рядъ лишеній, пытокъ, всякаго рода терзаній, которыя испыталъ онъ, частию раздѣляя участь несчастной арміи, частию во время своего рабства и бѣгства изъ плѣна. Я передамъ вамъ этотъ разсказъ. Вы видите, я поведу васъ опять путемъ мрачнымъ, заваленнымъ трупами людей и верблюдовъ : картина уже вамъ знакомая; что дѣлать! такова эта картина, и я не отступлю отъ истины. На востокѣ только и свѣтлаго, что небо.

Прежде, однако, чѣмъ приступимъ къ разсказу сипая, мы должны окинуть, хотя

быстрымъ взглядомъ , мѣсто дѣйствія ; иначе этотъ разсказъ будетъ для насъ темень и непонятенъ.

Авганистанъ, или имперія Дураніевъ, какъ обыкновенно, хотя и не совсѣмъ правильно, его называютъ въ Европѣ, воздвигнуть въ своемъ величіи и блескѣ Ахматъ-шахомъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія, и вмѣстѣ съ кончиной его уже частію утратилъ свое политическое значеніе, хотя еще и держался нѣскольکو времени въ прежнихъ границахъ. Онъ касался на югѣ моря, обнимая провинцію Белуджистанъ, на сѣверѣ — Туркменскихъ степей; на западѣ далеко вторгался въ персидскія владѣнія; а на востокѣ простирался за Индъ, владѣя Кашемиромъ, справедливо названнымъ перломъ имперіи. Въ Авганистанѣ считалось до 20 милліоновъ жителей : народонаселеніе довольно малочисленное по пространству, но мощное по своему воинственному духу, который умѣлъ вдохнуть въ него Ахметъ-шахъ, и потому можно было безошибочно

*

назвать Авганистанъ сильнѣйшимъ государствомъ въ Азіи, не считая Британской Индіи. Преемники Ахметъ-шаха, Тимуръ, слабый, женоподобный, Земанъ, грубый и жестокий, Махмутъ и наконецъ Шуджа, игравшій такую жалкую роль почти въ теченіи цѣлаго послѣдняго полустолѣтія, приготовили Авганистанъ къ той страшной катастрофѣ, которая совершилась на нашихъ глазахъ.

Шахъ Шуджа-уль-мулькъ въ первый разъ потерялъ свое царство, — а онъ терялъ его часто, — въ 1809 году, на равнинахъ Нимли, очень скоро послѣ того, какъ британское посольство Эльфинстона воздало ему всѣ царственныя почести. Съ тѣхъ поръ шахъ Шуджа явилъ собою рѣдкій примѣръ несчастій. Какъ судьба не устала бичевать такъ долго одну и ту же жертву! То нищій скиталецъ, то наемный царь, безъ власти и безъ царства, побуждаемый совѣтами своей умной и смѣлой жены, или постороннею силой, Шуджа иногда порывался

къ отважнымъ подвигамъ, къ борьбѣ съ судьбой, но это былъ порывъ къ полету стараго лебедя, у котораго обрублены крылья. Изнеможенный, онъ падалъ. Всего болѣе силы духа проявилъ онъ защищая свое сокровище, свой драгоценный алмазъ, когъ-и-норъ, гору свѣта, отъ алчности покойнаго магараджи Реджитъ-Синга.

Послѣднія событія, сопровождавшія смерть шаха Шуджи и совершенное истребленіе двадцати-тысячной индійско-британской арміи, всѣмъ извѣстны.

Героемъ Нимльской побѣды былъ Фетъ-ханъ, глава поколѣнія Барикзеевъ, самаго сильнаго по числу и нравственному вліянію въ Авганистанѣ. Жизнь его вновь, хотя не надолго, озарила славою Авганистанъ, а смерть повлекла за собою раздробленіе государства, которое было причиною торжества Англичанъ, и установленія новой царствующей династіи въ лицѣ Достъ-Мухаммета, брата Фетъ-хана и соперника Англичанъ.

Надобно прежде пояснить, что Фетъ-ханъ, посадивъ на тронъ Махмута, брата шаха-Шуджи, самъ сталъ первымъ визи-ремъ и безусловнымъ распорядителемъ царства, предоставивъ распутному Махмуту одинъ титулъ и гаремъ. Авганистанъ отдохнулъ и окрѣпнулъ. Кашемиръ опять вступилъ въ его владѣнія. Фетъ-ханъ управлялъ Авганистаномъ очень благоразумно. Его упрекаютъ въ излишней жестокости : это правда, онъ не щадилъ крови ; но нужны были мѣры сильныя, чтобы прекратить возникавшіе повсюду раздоры и скрѣпить распадавшееся царство. Къ чести его должно также отнести то, что онъ съ презрѣніемъ отвергъ совѣты братьевъ своихъ, которые во время экспедиціи въ Кашемиръ вызывались убить Реджитъ—Синга, злѣйшаго врага его.

Фетъ-ханъ имѣлъ завистниковъ и враговъ , это было неизбежно, и въ числѣ ихъ первое мѣсто занималъ Камранъ, старшій сынъ Махмута, который не разъ

убѣждалъ отца освободиться отъ власти визиря и взять самому бразды правленія. «Ты хочешь превратить меня въ лошака, сказалъ ему однажды Махмутъ, и навьючить всѣмъ бременемъ правленія. Ты молодъ, мой сынъ!» Но совѣты приближенныхъ къ нему наконецъ восторжествовали. Слабый шахъ согласился на погибель своего визиря. Камранъ захватилъ его въ Гератѣ, выкололъ ему глаза, и, радостный, привлекъ свою жертву къ отцу (1818 года). Фетъ-ханъ былъ изтерзанъ на части въ глазахъ Махмута, обязаннаго ему и царствомъ, и славою, и своею безопасностію, которую онъ всего болѣе цѣнилъ. Но передъ смертію визирь явилъ рѣдкій примѣръ воли желѣзной и непреклонной. Впродолженіе всей пытки, онъ не переставалъ издѣваться надъ своими палачами, осыпая ихъ насмѣшками и ругательствами, и не испустилъ ни одного стога, ни одной жалобы. Когда у него отрубили правую руку, онъ съ твердостію произнесъ, обращаясь къ Махму-

ту: такъ отпадетъ отъ тебя Кабуль, такъ Пейшаверъ, когда лѣвая рука отдѣлилась отъ туловища, и будешь проклять ты народомъ и потомствомъ.....

Местъ яростно закипѣла. — Возстали братья казненнаго Фетъ-хана, и его родственники, и все племя, и весь народъ, и закипѣла народная война со всѣмъ ужасомъ и опустошеніемъ: пророчество Фетъ-хана сбылось. Авганистанъ распался на части. Явилось индійско-британское войско.

Теперь намъ остается сказать нѣсколь-
ко словъ о томъ, въ какомъ положеніи
оно застало бывшую имперію Дураниевъ,
и въ какомъ оставило ее. Намъ собствен-
но до Англичанъ дѣла нѣтъ, и мы бы не
упомянули о нихъ, еслибы то могъ допу-
стить нашъ рассказъ. Не хотимъ знать,
зачѣмъ пришли они въ Авганистанъ!
Пусть ихъ пришли затѣмъ, чтобы воз-
становить законную династію на тро-
нѣ, или чтобы обезпечить предпола-
гаемое плаваніе по Инду или наконецъ

за тѣмъ , чтобы возстановить порядкъ въ странѣ, — пожалуй , я и этому вѣрю.

Городъ Кабуль уже не составлялъ столицы огромной имперіи Дураниевъ. Владѣніе его ограничивалось только собственнымъ его округомъ и городомъ Гизни, впоследствии къ нему присоединенномъ. Въ немъ сидѣлъ и властвовалъ (съ 1826 года) братъ Фетъ-хана, Достъ-Мухамметъ-ханъ, сильнѣйшій между всѣми владѣтелями, составлявшими по родству какъ-бы одну конфедерацію въ Авганистанѣ. У него было всегда наготовѣ до 10,000 человѣкъ кавалеріи и 14 артиллерійскихъ орудій, расположенныхъ въ самомъ городѣ. Кромѣ того, горы составляли природное укрѣпленіе его небольшихъ владѣній, а положеніе въ центрѣ Авганистана и личное вліяніе Достъ-Мухаммета невольно ставили его въ главѣ этой страны. Мы выпишемъ объ немъ мнѣніе Англичанина; согласитесь, что тутъ уже никакого пристрастія быть не

можетъ, тѣмъ болѣе, что этотъ Англичанинъ *Александръ Бюрисъ*.

«Слава о Достъ-Мухамметѣ достигаетъ путешественника въ Авганистанѣ еще гораздо прежде, чѣмъ онъ вступитъ въ его владѣнія, и эта слава вполне заслужена владѣтелемъ. Онъ неутомимъ въ занятіяхъ, каждый день засѣдаетъ съ казіемъ и муллами для рѣшенія споровъ и тяжбъ въ своемъ народѣ; всячески заботится о развитіи торговли и довелъ до того безопасность дорогъ въ своихъ владѣніяхъ, что купецъ можетъ путешествовать совершенно покойно безъ всякаго конвоя,— вещь неслыханная въ прежнія времена.... Нынче онъ трезвъ въ высшей степени, и тѣмъ подаетъ примѣръ своему народу къ сохраненію заповѣди корана. Его справедливость и безпристрастіе выше всякихъ похвалъ. — Невольно поражаешься его разнородными познаніями и тѣмъ стремленіемъ, которое онъ оказываетъ къ пріобрѣтенію этихъ знаній. Обраще-

ніе его и всѣ манеры чрезвычайно привлекательны», и проч.

О правосудіи Достъ-Мухаммета ходитъ множество рассказовъ въ народѣ. Вотъ образчикъ его остроумнаго рѣшенія : какой-то богатый купецъ принесъ жалобу на невѣрность жены; казіи и муллы не долго толковали въ этомъ случаѣ, и такъ какъ приноситель жалобы не принималъ выкупа отъ обвиненнаго, то и приговорили, какъ водится, предполагаемаго обольстителя и невѣрную жену сбросить съ башни ; но Достъ-Мухамметъ призадумался и спросилъ, не являлся ли прежде въ судъ съ подобными жалобами обвинитель ? Да, отвѣчалъ ему казіи, это уже третью жену отправляетъ онъ на тотъ свѣтъ съ осьми-саженной высоты. Тогда Достъ Мухамметъ потребовалъ болѣе точныхъ свидѣтельствъ, и обвинитель сказалъ, что жена сосѣда видѣла съ крыши, какъ соблазнитель обнималъ его жену. — А когда тебѣ объявила объ этомъ сосѣдка ? спросилъ Достъ-Мухамметъ. — « Вчера ночью. » — Кто

еще слышалъ это? — Никто, но она сама подтвердить. — Въ какихъ же ты съ нею отношеніяхъ, когда видишься глазъ-на-глазъ, и еще ночью? — Обвинитель смѣшался. Сдѣлали строгій розыскъ и оказалось, что онъ былъ въ преступной связи со своей сосѣдкой, которая, чтобы избавиться отъ своихъ соперницъ, клеветала на нихъ и приносила ихъ въ жертву своей ревности. Съ виновными поступили какъ слѣдуетъ.

Кандагаръ составлялъ отдѣльное владѣніе; въ немъ властвовалъ племянникъ Фетъ - хана, Коганъ - Диль - ханъ, сынъ Ширъ-Диль-хана, который, по своей желѣзной волѣ, всѣхъ болѣе походилъ на брата своего Фетъ-хана. Извѣстенъ анекдотъ, рассказанный объ немъ Бюрнсомъ: Ширъ-ханъ, чтобы испытать характеръ одного изъ сыновей своихъ, десятилѣтняго мальчика, отрѣзалъ у него палецъ и сказалъ, что онъ будетъ недостойнъ называться его сыномъ, ни Баракзеемъ, если заплачетъ: ребенокъ вынесъ съ твердостью это испытаніе. Военная сила Канда-

гара не многимъ уступала Кабулу, а положеніе у самага центра племени Баракзеевъ увеличивало его нравственное вліяніе, но владѣтель былъ не любимъ народомъ и находился во враждѣ съ Достъ-Мухаметъ-ханомъ.

Пейшаверъ составлялъ незначительное владѣніе и переходилъ изъ рукъ въ руки, большею частію какъ данникъ посторонней власти, и при вступленіи Англичанъ находился подъ правленіемъ слабаго Магомметъ-хана.

Наконецъ Герать, единственная область, оставшаяся въ рукахъ владѣтеля изъ прежняго царскаго дома. Камранъ властвуетъ и нынче (*); онъ жестокъ и несправедливъ, не любимъ своимъ народомъ, нетерпимъ прочими владѣтелями Авганистана, которые глядятъ на него, какъ на жертву еще не вполне насыщеннаго мщенія за кровь Фетъ-хана. Герать,

(*) По послѣднимъ извѣстіямъ, требующимъ подтвержденія, онъ умеръ.

при вступленіи Англичанъ въ Авганистанъ, находился подъ нѣкоторымъ вліяніемъ Персіянъ.

Въ такомъ раздробленномъ видѣ застали Англичане Авганистанъ.... и, изгнавъ мѣстныя власти, засѣли въ крѣпостяхъ, въ городахъ посадили своихъ людей, а въ Кабулѣ, главою всего Авганистана, шаха Шуджу—и образовались три разнородныя власти : англійская, народная и шаха Шуджи, изъ которыхъ одна не признавала другой и не имѣла сознанія въ собственномъ своемъ вліяніи; всякая дѣйствовала отдѣльно, сама по себѣ.

Сипай нашъ принадлежалъ къ той части главной англо-индійской арміи, которая была расположена въ Кабулѣ, или правильнѣе въ его окрестностяхъ.

Императоръ Баберъ, любимый сынъ Азіи и ея исторіографъ, справедливо сказалъ : «нѣтъ города въ мірѣ краше Кабула,» если это выраженіе отнести къ его природѣ, а не къ тому, что произвели въ немъ люди. Далѣе Баберъ гово-

рить : « Кабуль представляет собою гору, озеро, городъ и пустыню, » послѣдній эпитетъ особенно присталъ къ нему въ настоящее время, послѣ того какъ Англичане *очистили* Авганистанъ, а потому не должно смѣшивать того Кабула, о которомъ говоритъ нашъ сипай, съ нынѣшнимъ Кабуломъ.

Не знаю, съ котораго бы пункта указать вамъ на этотъ городъ : отовсюду онъ прелестенъ, кромѣ его внутренней стороны. Хорошъ онъ съ пол-пути между нимъ и царскимъ садомъ, когда взорамъ вашимъ представляется съ одной стороны амфитеатръ зданій, утопающихъ въ садахъ; съ другой, густая масса деревьевъ, рисующихся на ясномъ горизонтѣ, какъ баснословная краса—царица востока; но еще лучше Кабуль, если на него смотрѣть со стороны кладбища Бабера.

Вамъ конечно очень хорошо извѣстно, что кладбища на востокѣ составляютъ предметъ особенныхъ заботъ правительства и благочестивыхъ людей; онѣ осѣ-

нены садами, украшены цвѣтниками и часто фонтанами и представляютъ любимое мѣсто для гуляній и для временнаго отдыха отъ дневныхъ трудовъ мусульманъ. И дѣйствительно, гдѣ скорѣе можно забыться отъ суеты, отъ трудовъ мірскихъ, какъ не на кладбищѣ? Гдѣ болѣе можно предаться мечтамъ сладостнаго самозабвенія, утишить скорбь и тоску, грызущую васъ, какъ не здѣсь, въ юдоли самозабвенія вѣчнаго. Отсюда происходитъ то величавое спокойствіе, которое составляетъ лучшую часть характера мусульманина.

Гробница Бабера обозначена двумя плитами бѣлаго мрамора съ надписью и глубоко изсѣченными цифрами, означающими годъ смерти императора (1530 нашей эры); насупротивъ возвышается небольшая, но прекрасная мечеть, построенная въ 1640 году шахомъ-Джиганомъ (*).

(*) Не знаю, уцѣлѣли-ль, эти прекрасные памятники нынче, отъ всеобщаго разрушенія и истребленія.

Кладбище расположено у подножія холма, на который я поведу васъ. Здѣсь стоитъ хорошенькій павильонъ, сдѣланный, кажется, по приказанію шаха Шуджи, или Земана, и изъ него наслаждаетесь вы видами невыразимо восхитительными. Передъ вами стелется обширная равнина, покрытая деревеньками, нивами и садами; между ними змѣею извивается ручей, то пропадая въ зелени деревьевъ, то вновь показываясь игривѣй и прекраснѣй прежняго. На сѣверномъ горизонтѣ рисуетъ грозная Пюманъ, которой вершина покрыта снѣгами, а отклоны красуются роскошными садами и виноградниками. Городъ видѣнъ въ безпорядочной массѣ; надъ нею господствуетъ цитадель Бала-Гисаръ, съ полуразвалившимися башнями и стѣнами, представляющими издали нѣчто дикое и романическое, особенно если воображеніе ваше перенесетъ васъ въ прежнія времена, когда эти башни и подземелья ихъ служили темницами для царственнаго рода, а са-

мый Бала-Гисаръ дворцемъ для царей, когда стоны отца и радостныя пированія сына сливались въ одно и подъ однимъ кровомъ. — Гробница Тимуръ-шаха, высокое зданіе въ восточномъ вкусѣ, находящееся также внѣ города, не видно за деревьями. Гробница Тимура и Бабера! Сколько воспоминаній.... И вы видите вокругъ себя безмолвныя и неподвижныя группы мусульманъ, пораженные красотою зрѣлища и величіемъ предмета, и вполнѣ преданныя внутреннему созерцанію.

Собственно Кабуль представляетъ одно поразительное зданіе, — я хотѣлъ сказать представлялъ два года тому назадъ: отъ него остались однѣ развалины. Это Чауча, базаръ, великолѣпнѣе котораго едва ли существовало зданіе на востокѣ; украшенный арками и фресками, онъ составлялъ нѣчто огромное и вмѣстѣ щегольское въ мавританскомъ стилѣ и служилъ гордостію для всѣхъ Азіатцевъ. Особенно красивъ онъ былъ вечеромъ, когда

лавки его освѣщались и выказывали всю роскошь азіатскихъ произведеній.

Еслибы нужно было сравнить съ чѣмъ нибудь азіатскій городъ, сообразно съ нашимъ европейскимъ понятіемъ, то всего ближе можно было бы его сравнить съ стариннымъ городомъ въ Италіи; правда, въ немъ нѣтъ тѣхъ высокихъ, нѣскольکو-этажныхъ домовъ, лицомъ на улицу; но тѣже тѣсныя, нечистыя улицы, тотъ же оглушительный шумъ, особенно послѣ обѣда, на площадяхъ: толпы, окружающія сказочника, лице отличительное на востокѣ и въ Италіи; наконецъ крики дервишей, возвѣщающихъ чудеса Магоммета, дервишей, которыхъ вы сами знаете съ кѣмъ можно сравнить.

Къ общему и довольно подробному описанію Кабула прибавимъ, что въ немъ было до 70,000 жителей. Климатъ превосходный; зной полуденнаго лѣта умѣряется прохладой, которой всегда пахнетъ со снѣжныхъ вершинъ горъ, господствующихъ надъ городомъ. Изобиліе,

разнообразіе и вкусъ кабульскихъ фруктовъ вошли въ пословицу въ Средней Азій. Кабуль столица азіатскаго кейфа.

Въ ночь на второе ноября, 1841 года, сипай пашъ былъ посланъ зачѣмъ-то, изъ лагеря, расположеннаго за городомъ, въ Кабуль, гдѣ жило много англійскихъ офицеровъ, особенно семейныхъ, и самъ Бюрисъ. Несмотря на позднюю пору, въ улицахъ замѣтно было нѣкоторое движеніе, но все было въ порядкѣ, и нашъ сипай не нашелъ бы тутъ ничего необыкновеннаго, еслибы кизиль-башъ, остановившій его, не указалъ таинственно на проходящихъ. «Такъ что жъ такое, отвѣчалъ сипай, народъ гдѣ нибудь запоздалъ, за работой или за пиромъ, и возвращается домой, какъ и ты грѣшный!»— Эхъ, душа моя, да развѣ ты не видишь, что люди идутъ изъ дому, а не домой: вѣдь все направляется за городъ. Говорятъ, прибавилъ онъ, наклонившись къ уху сипая, въ горы пришелъ Сердаръ (Экберъ-ханъ) со своими и къ нему ото-

всюду стекается народъ , какъ горные ручьи къ одному устью. Не быть-бы худу, сердце мое. — «Пустое ; я сейчасъ изъ лагеря, и тамъ все такъ тихо и спокойно, какъ въ нашемъ благословенномъ Непалѣ. Да и самъ Бюрисъ присылалъ сказать, чтобы мы и не думали о какомъ-либо общемъ возмущеніи въ краѣ. Экберъ-ханъ далеко въ Туркистанѣ : все это сказки.» — Дѣтямъ говорятъ сказки, а они принимаютъ ихъ за истину : дай Богъ, чтобы съ вами не случилось наоборотъ.

Кизиль-баши, то есть Персіяне, составляютъ изъ себя совершенно отдѣльный и обширный кварталъ въ Кабулѣ. Они любили Достъ-Мухаммета, котораго мать была Персіянка. Ханъ также особенно покровительствовалъ это сильное племя, тѣмъ не менѣе однако оно, покрайней мѣрѣ по наружности, стояло за дѣло Англичанъ , руководствуясь болѣе расчетомъ ума, чѣмъ движеніемъ чувствъ, и надѣясь на силу послѣднихъ.

Сипай со своимъ пріятелемъ отправились къ одному изъ туземныхъ старшинъ въ городъ, преданному Англичанамъ, чтобы развѣдать, не случилось ли въ самомъ дѣлѣ чего нибудь необыкновеннаго; но тутъ было не до опасеній; пиръ шелъ горою; было нѣсколько англійскихъ офицеровъ, и заповѣдь корана о запрещеніи вина была побѣждена европейскою логикой и забыта самыми ревностными мусульманами. Пришедшіе присоединились къ общему веселію. Вдругъ, въ самомъ разгарѣ пира, явилось лицо непрощенное и вовсе неожиданное, явилось, грозное и неумолимое, какъ сама судьба древнихъ, и пиръ остановился. Это былъ Абдулахъ-ханъ!

Непостижимо, что можетъ сдѣлать сила человѣческой воли! Абдулахъ-ханъ, хотя втайнѣ ненавидѣлъ Англичанъ, подобно многимъ другимъ старшинамъ Авганистана, но тщательно скрывалъ свои непріязненные чувства; появленіе его, казалось, не могло никакого уди-

вить; къ тому же, всѣ присутствовавшіе здѣсь, особенно Англичане, слишкомъ свыклись съ опасностями, не дрожали и тогда, какъ сама смерть заглядывала имъ въ глаза; но въ это время достаточно было одного взора Абдулахъ-хана,—взора, говорилъ сипай, такого поражающаго, такого молніеноснаго, котораго я не забуду и въ минуту смерти,—чтобы окаменить всѣхъ бывшихъ на пиру. Они оставались неподвижны, хотя по тайному инстинкту вполнѣ постигали свое положеніе; такъ тигръ цѣпенѣетъ отъ взгляда человека, не рѣдко спасающагося этимъ однимъ орудіемъ въ Индіи.—Раздался оглушительный крикъ Абдулахъ-хана, но онъ уже немогъ пробудить Англичанъ, потому что между появленіемъ дикихъ Авгановъ, сбѣжавшихся на этотъ крикъ и гибелью Англичанъ оставалось одно мгновеніе. Всѣ они были изрублены въ мелкіе куски, и изуродованные члены ихъ, то вздѣтые на пики, то влекомые по землѣ, на показъ народу, какъ трофеи смѣлости, были

большею частию унесены изъ комнаты, гдѣ за минуту былъ пиръ веселый и беззаботный! — Одинъ хозяинъ, Эбенасаръ-ага, не отмѣченный на жертву мести перстомъ Абдулахъ-хана, стоялъ въ грустномъ раздумѣ въ комнатѣ, въ которой измельченные, изрубленные члены Англичанъ въ безпорядкѣ валялись съ остатками трапезы, съ ломтями кибабу; полъ былъ залитъ виномъ и кровью, еще дымившеюся, и на одной разсѣченной головѣ сидѣлъ черный котъ и блестящіе глаза его были еще блестяще, разгараясь отъ виду крови и труповъ; казалось, онъ также торжествовалъ и сочувствовалъ общей жаждѣ мести. Ага уныло покачалъ головою, глядя на остатки еще недавно торжествующихъ Англичанъ; онъ заперъ страшную комнату, оставивъ въ ней единственнымъ стражемъ этой могильной добычи кота, и сѣлъ у порога своего дома, ожидая, что случится, съ равнодушіемъ и презрѣніемъ къ жизни истиннаго мусульманина. — Судьба не обойдетъ

меня , ни я ее , сказалъ онъ , и закурилъ кальянъ !

Сильный ударъ въ голову сипая ошеломилъ его ; вскорѣ онъ очнулся и увидѣлъ себя въ самомъ неловкомъ положеніи , перекинутаго черезъ сѣдло лошади , сзади какого-то всадника , котораго онъ не могъ видѣть въ лицо. Въ городѣ была повсюду кровавая рѣзня. Всѣ дома , гдѣ жили Англичане , были осаждены ; нѣкоторые изъ жильцовъ защищались съ отчаяніемъ , другіе были застигнуты въ распахъ ; но тѣхъ и другихъ ожидала одинакая участь. Всего болѣе толпился народъ около дома , занимаемаго Бюрисомъ : тутъ была страшная давка , и сипай , который служилъ нѣкогда у Бюриса , былъ съ нимъ въ первомъ путешествіи въ Среднюю Азію и читалъ въ немъ какое-то высшее существо ; сипай думалъ , что Бюрисъ спасся и потому народная ярость вопила здѣсь всего болѣе ; но вдругъ , среди общихъ криковъ радости , высоко надъ толпою , показалась вздѣтая

на пику голова—и бѣдный сипай замеръ, узнавши въ ней голову своего благодѣтеля.

Незнакомый всадникъ и сипай достигли главной площади, никѣмъ не замѣченные, но здѣсь были на время остановлены кипѣвшею битвой; отрядъ, высланный шахомъ Шуджой изъ Бала-Гисара, подъ предводительствомъ его сына, для усмирения возмущившагося народа, былъ встрѣченъ на площади, атакованъ отовсюду, и имѣя въ своихъ рядахъ множество людей, преданныхъ народному дѣлу, почти безъ сопротивленія бѣжалъ обратно въ Бала-гисаръ.

Вездѣ картина народнаго возстанія ужасна; но въ Азіи, гдѣ фанатизмъ не знаетъ границъ, но въ Кабулѣ, гдѣ ненависть къ Англичанамъ, долгое время сжималась, притаившись подъ личиною покорности, и наконецъ разорвала преграды, и яростная, кипя и бушующая, низринула на свѣтъ, — о, тутъ эта картина

была невыразимо ужасна! Не было пощады никому. Младенцевъ, для потѣхи, кидали вверхъ и потомъ подхватывали остриемъ пика; женщины спасались отъ позора только тѣмъ, что ярость Авгановъ трепетала за каждое мгновеніе ихъ жизни.....

Оставимъ это сокрушающее сердце зрѣлище и послѣдуемъ за сипаемъ, который уже достигалъ воротъ, ведущихъ къ кварталу кизиль-башей, какъ вдругъ раздалось вокругъ роковое «кяфиръ, кяфиръ» и удары посыпались на него; но добрый конь рванулся впередъ, и всадникъ, достигнувъ перваго двора кизиль-башей, черезъ ограду перебросилъ сипая во дворъ, а самъ помчался впередъ.

Это было утромъ, 2-го Ноября; Англіійскій лагерь оставался въ бездѣйствіи!— Въ половинѣ Декабря, какъ извѣстно, послѣдовало убійство англійскаго посланника и въ слѣдъ за тѣмъ истребленіе всей англо-индійской арміи, бывшей въ

Кабулѣ. Обстоятельства эти слишкомъ извѣстны, чтобы ихъ описывать; къ тому же насъ занимаетъ только участь бѣднаго сипая. Скажемъ, однако, нѣсколько словъ объ Экберъ-ханѣ, который впоследствии игралъ главную роль во всеобщемъ возстаніи, и теперь первымъ дѣйствователемъ въ Афганистанѣ.

Экберъ-ханъ, любимый сынъ Достъ-Мухаммета, раздѣлялъ его участь, его изгнаніе, до тѣхъ поръ, пока отецъ, истощившій всѣ средства въ борьбѣ съ Англичанами, не сдался въ плѣнъ; тогда Экберъ, не смотря на убѣжденія Достъ-Мухаммета и обѣщанія посланника, предпочелъ скитальческую жизнь въ Туркистанѣ покою и довольству англо-индійскаго плѣнника. Къ дѣлу этой рѣзни въ Кабулѣ онъ не причастенъ. — Леди Сель ужасно возстаетъ на него за то, что онъ силою своего увлекательнаго краснорѣчія и вкрадчивостію обольщенія успѣлъ убѣдить англійскихъ начальниковъ къ сдачѣ

арміи; но въ этомъ случаѣ не англійскіе ли начальники всего болѣе виновны! — Со своими привлекательными манерами, Экберъ соединяетъ наружность, полную мужественной красоты и отваги. Его черные, выразительные глаза кажутся еще чернѣе и лучистѣй отъ бѣлизны чалмы, которую онъ носитъ очень щегольски; открытый лобъ внушаетъ къ нему невольно довѣренность. Въ лицѣ преобладаетъ тихая задумчивость, слѣдствіе продолжительной горести; станъ гибокъ и строенъ, какъ побѣгъ молодой раины, и вся наружность его имѣетъ въ себѣ что-то особенно благородное и мужественное....

Сипай лежалъ безчувственъ. Настала ночь, ночь востока, роскошная, звѣздометная, не такая свѣтлая, какъ у насъ, на сѣверѣ, гдѣ даже нельзя скрыть тайны любви; а ночь пора любви; не такая темная, какъ ночь крайняго юга. Не люблю я нашихъ блѣдныхъ ночей, безъ таин-

ственного полумрака, безъ зыбкихъ тѣней, наводящихъ на душу невольный, но сладкій трепетъ. На то и ночь, чтобы она была темна; хотите свѣта, дождитесь дня.

Прохлада осенней ночи возвратила къ жизни сипая; но, казалось, онъ очнулся только для того, чтобы почувствовать всѣ терзанія боли; онъ не могъ шевельнуться: закрывшіяся раны вновь точили кровь, томительная боль отдавалась всюду; напрасно онъ силился подняться: ноги не служили ему и онъ опять падалъ въ страданіяхъ невыносимыхъ; пить и пить просилъ онъ, старая жаждой, но никто не шелъ на помощь; онъ алчно глядѣлъ на висѣвшія надъ нимъ древесныя вѣтви, отягченныя росой, но роса не падала на него. Вдругъ вѣтви всколыхнулись, и тихо приблизилась къ нему женщина, закутанная съ ногъ до головы; она поставила возлѣ него кувшинъ съ водою, трепетною рукою обмы-

ла его раны, смочила какимъ-то цѣлебнымъ составомъ, и не произнеши ни одного слова, удалилась. — Такъ приходила она на другой день, на третій.

Тутъ могъ бы я вамъ составить цѣлый романъ при столь удобномъ случаѣ: сказать, что эта женщина была жена незнакомаго спасителя, что сипай и она влюбились другъ въ друга страстно, бѣжали, были пойманы и прочее. Увы! ничего этого не будетъ; потому что я жертвую для истины всевозможными эффектами. Сипай никогда не узналъ, ни кто былъ его спаситель, ни кто была таинственная спасительница. Первое обстоятельство отчасти объясняется такимъ образомъ: Англичане и сипаи имѣли въ АFGанистанѣ друзей и людей преданныхъ себѣ. Сколько по личной пріязни, столько и по расчету, ради выкупа, или стараясь пріобрѣсти покровительство Англичанъ, жители Кабула старались спасти своихъ друзей, и нѣкоторымъ удалось это. Сипай полагаетъ, что

его незримый спаситель былъ Кизильбаши, другъ его, тѣмъ болѣе, что онъ привезъ его къ своимъ. Но можетъ быть этотъ мнимый благодѣтель желалъ только пріобрѣсти себѣ плѣнника, и не успѣлъ воспользоваться своею добычею при тогдашнихъ смутныхъ обстоятельствахъ. Не трудно понять и вторую часть спасенія сипая. Онъ былъ брошенъ въ садъ, принадлежавшій къ женскому отдѣленію жилища. Бѣдная затворница гарема, вѣроятно нечаянно, набрела на страдальца, и для разсѣянія, а можетъ быть и по движенію чувства, принялась лечить больного; это было тѣмъ для нея удобнѣе, что мужская часть Кизиль башей была слишкомъ занята народнымъ возстаніемъ и вовсе оставила свою женскую половину. Такъ по-крайней-мѣрѣ было въ домѣ, куда попалъ сипай. Разъ только онъ услышалъ мужской голосъ и это совершенно прервало нить романа, который можетъ быть бѣдная обительница гарема, скуки ради, повела бы

и далѣе. Въ слѣдующую за тѣмъ ночь прибѣжала она къ сипаю, и подавая веревочную лѣстницу, торопливо произнесла : бѣги — и скрылась. Это было первое и послѣднее слово, произнесенное ею.

Напрасно сипай старался достигнуть укрѣпленнаго лагеря Англичанъ ; онъ былъ открытъ, схваченъ, и такъ какъ мѣсть нѣсколько по утихла, то жизнь его была пощажена : онъ былъ уведенъ въ горы, проданъ, перепроданъ и наконецъ очутился рабомъ Туркменцевъ, кочевавшихъ близъ персидскихъ границъ. Въ другое время я скажу вамъ, что такое рабъ на востокѣ, и особенно изъ Индійцевъ, которыхъ мусульмане не терпятъ еще болѣе чѣмъ христіанъ.

Мы уже сказали, что сипай бѣжалъ изъ плѣна, что удастся весьма немногимъ. Въ Тегеранѣ консулъ заботился о немъ съ отеческою попечительностію. Уже онъ нашелъ средства для отправ-

ленія его на родину и, радостный, поспѣшилъ къ нему, чтобы утѣшить страдальца близостью свиданія со странною, ему милою, съ людьми, ему близкими. Вообразите же ужасъ почтеннаго консула, когда онъ увидѣлъ на полу его комнаты одинъ окровавленный трупъ. На столѣ лежала записка, которая не оставляла никакого сомнѣнія на счетъ самоубійства сина; вотъ что было въ ней сказано :

«Да наградить небо почтеннаго консула за то, что онъ успокоилъ меня въ эти послѣдніе дни. Въ борьбѣ съ жизнію, я какъ-то не чувствовалъ ни ея тяжкаго бремени, ни боли, которую причиняла она. Теперь же, когда тѣло успокоилось и заговорила душа, совсѣмъ не то! Только вспомню, что придется опять жить, какъ жилось прежде, безъ нужды и безъ радостей, — мнѣ дѣлается не выразимо скучно; мнѣ становится жаль моихъ страданій; тамъ была надежда! — Кончится же тѣмъ,

что придется умереть ; такъ не все-ль равно, днемъ ранѣе или позже : теперь же у меня такъ легко на душѣ, что и умереть отрадно. Прощай, добрый человѣкъ ! » —

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ
ВЪ КАШЕМИРЪ.

(1828 года).

Посвящ. Я. Н. Озерцу.....му.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ

ВЪ КАШЕМИРЪ.

(1828 года).

Едва ли мы отступимъ отъ правды, если скажемъ, что нѣтъ въ мірѣ земли прекраснѣе долины Кашемира, и стихи Томаса Мура (Лалла Рука), порожденные пылкимъ воображеніемъ поэта, все еще не достигаютъ истины въ изображеніи всепоражающей красоты природы Кашемира.

Долина Кашемира образована Гималайскимъ хребтомъ и находится на 5000 футахъ высоты отъ поверхности моря! Обставленная вдали громадными горами,

она доступна для человѣка только нѣсколькими особенными входами, представляя такимъ образомъ міръ отдѣленный, сосѣдній небу, міръ чудесный, который суевѣрные Индійцы почитаютъ первобытнымъ раемъ. Всего болѣе поражаетъ васъ Кашемирская долина, когда вы вступаете въ нее отъ Джалема, отъ раскаленныхъ равнинъ въ край прохлады и нѣги, исполненный всѣми произведеніями раскаленного и сладострастного юга и мощной природы сѣвера. Здѣсь вы увидите въ какомъ-то чудномъ и поражающемъ соединеніи исполинскій кедръ и восточную пальму, необыкновенной величины яворъ и березу, сосну и обвивающуюся вокругъ нея виноградную лозу, какъ бы обрадовавшуюся такой небывалой на югѣ гостьѣ. Присоедините къ этому пестрые ряды цвѣтовъ, которыми усѣяны земляныя крыши жилищъ Кашемирскихъ, что подало поводъ къ мысли о всякихъ садахъ; яркую зелень, свойственную од-

ной горной полосѣ и тихую, ничѣмъ и никогда не колеблемую гладь озера Виларъ (Уалларъ), на которомъ спокойно красуется неньюфаръ, и все это подъ чуднымъ небомъ, изъ-за котораго глядятся бѣлѣющія вершины Гималая на Кашемиръ, на свое любимое дѣтище.

Здѣсь все не такъ какъ у насъ: вечеръ не слѣдуетъ за днемъ, мракъ ночи ниспадаетъ непосредственно, какъ бы силою волшебства, и новый міръ очарованій настааетъ. Увы! теперь не услышите болѣе голосовъ кашемирскихъ красавицъ, воспѣвающихъ любовь Андама и Дурчины. Нѣтъ! человѣкъ здѣсь угнетенъ и унылъ. За то по-прежнему раздаются пѣснь сладкозвучнаго бульбуль, соловья, который, по силѣ голоса, по гармоніи напѣва и даже по наружному виду, отличается отъ нашего, и трогательная пѣснь нанго. По-прежнему раздаются крики попугаевъ и павлиновъ и вопли обезьянъ, и жаворонокъ шлетъ пѣснь свою изъ-подъ небесъ. По-преж-

нему красуется роза , роза Кашемира, справедливо служащая для сравненія совершенства красоты на востокъ. Наши розы — жалкія выродки розы кашемирской.

Вѣка три тому назадъ, отецъ Ксавье, испанскій іезуитъ, первый принесъ въ Европу вѣсть о Кашемирѣ. Онъ сопровождалъ Императору Акберу въ его побѣдахъ. Разказы Ксавье принимали за сказки. Александръ Македонскій, во время своего всеокрушительнаго похода черезъ Азію , наслышавшійся о чудесахъ природы гималайской долины , тщетно силился проникнуть въ нее. По какому-то странному стеченію обстоятельствъ, двѣнадцать колоссальныхъ алтарей, воздвигнутыхъ имъ на южномъ берегу древняго Гефиза (*) (Беягъ) и означающихъ крайній предѣлъ его похода на востокъ, приходятся именно съ той стороны, съ

(*) Philostrat, vila Apollon. lib. 11. c. 43 изд. Olearius.

которой съ юга можно проникнуть въ Кашемиръ.

Слѣдя за побѣдоносными арміями трехъ великихъ завоевателей Азіи, шедшихъ почти по одному и тому же пути, Александра, Тамерлана и шаха Надира, невольно поражаешься мыслию, какъ могла столь многочисленная масса народа передвигаться, и съ такою удивительною быстротою, черезъ зыбучія болота Кундуза, черезъ хребты горъ, представляющихъ такъ мало выходовъ, и наконецъ черезъ рѣки. Какія точныя понятія о краѣ нужно было имѣть Александру и какое геніальное соображеніе, чтобы переправить армію черезъ Индъ, именно близъ Аттока (древняго Таксила) (*), единственнаго пункта, гдѣ Индъ довольно тихъ и гдѣ возможно было навести мостъ. Какую нужно было имѣть силу характера, чтобы держать въ повиновеніи многочисленную армію среди повсе-

(*) Renell, Mem. p. 92.

мѣстныхъ лишеній, нуждъ самыхъ отчаянныхъ, борьбы съ природой, съ туземными народами, и все это вдали отъ родины, къ которой были устремлены всеобщія желанія и надежды.

Положеніе Кашемира можно опредѣлить по довольно точнымъ измѣреніямъ 34° -мъ $7' 30''$ сѣверной долготы (другіе опредѣляютъ $34^{\circ} 22' 58''$, и можетъ быть правильнѣе нашего). Онъ виѣ предѣловъ періодическихъ дождей, которые, какъ извѣстно, застигнули армію Александра Македонскаго въ Пенджабѣ и заставили его предпринять обратный путь. Полоса дождей не простирается далѣе вершины Ротанъ-Панжяла и очень рѣдко переходитъ чрезъ Пиръ-Панжаль. Втеченіи всей осени почти невидно дождя въ Кашемирѣ, но рѣсы ниспадають обильно и поддерживають необыкновенное плодородіе земли.

Кашемирская долина носить явные признаки своего подводнаго пребыванія. Народная легенда говоритъ, что Казіа-

па, сынъ Марики, сына Будды, нисшедшій на землю въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынче Кашемпирская долина и гдѣ было глубокое озеро Сати-Сара, увидѣлъ, какъ страждутъ люди отъ Жиладео, духа водъ, и сжался надъ людьми. Но прежде чѣмъ онъ могъ ниспровергнуть злаго духа, прошло много вѣковъ и сдѣлано было много чудесъ съ обѣихъ сторонъ, пока наконецъ Вишну, вышедшій изъ терпѣнія, не помогъ Казіану раздвинуть горы и выпустить озеро; тогда Жиладео остался какъ ракъ на мели и безъ труда былъ наказанъ Казіаномъ, а можетъ и совсѣмъ уничтоженъ, за подлинно не знаю.

Баронъ Гюгель, соглашаясь со своей стороны, что Кашемпирская долина составляла прежде озеро, говоритъ, что не воды исчезли, но дно озера поднялось и это не особеннымъ физическимъ потрясеніемъ, но посредствомъ наносовъ песку и илу, образовавшихъ сначала отмели, потомъ вовсе вытѣснившихъ воды

озера. Это заключеніе намъ кажется не совсѣмъ правдоподобнымъ. Не говорю уже о томъ, что почва земли не имѣетъ слѣдовъ наноснаго образованія *позднѣйшихъ временъ*, но спрашиваю, куда же была вытиснута эта масса воды? Озеро Вилларъ, на которое Гюгель указываетъ, какъ на доказательство своей гипотезы, едва ли не опровергаетъ ее. Правда, образовавшіяся отъ сплетенія корней и стеблей водяныхъ растеній и потомъ занесенныя землей и устланная растительностію пловучія массы покрыли во многихъ мѣстахъ озеро, но за то оно, какъ утверждаютъ старожилы, раздалось въ ширину, и масса воды въ немъ не уменьшилась. Не основательнѣй ли будетъ приписать уничтоженіе водъ землетрясенію, которое дѣйствуетъ тамъ съ невѣроятной разрушительностію и такъ сказать на нашихъ глазахъ произвело важные естественные перевороты, иссушило одни протоки, породило другіе. Этимъ поя-

сняется также народная легенда, которую мы рассказали.

Кашемирская долина, скрывавшаяся отъ завоеваній древнихъ побѣдителей своею недоступностію, привлекала постоянно алчность новыхъ сосѣдей. Она переходила изъ рукъ Индійцевъ къ Монголамъ и потомъ, попеременно, то къ Авганамъ, то къ Сейкамъ, въ рукахъ которыхъ и теперь находится; но кто знаетъ, не перейдетъ ли она въ скоромъ времени къ другимъ властителямъ, болѣе сильнымъ и постояннымъ въ своихъ завоеваніяхъ. Можно только одно сказать положительно, что уже нельзя довести ее до состоянія болѣе жалкаго, какъ то, въ которомъ она находится.

Былъ полдень, а темнота увеличивалась поминутно; въ природѣ была тишина, не та тишина, — свидѣтельница сладкаго отдыха, которымъ по временамъ наслаждается природа, истомленная постоянною дѣятельностію; но тишина

страшная, которой робѣетъ человѣкъ и звѣрь, предвѣстница бури и гибели.—Къ городу приближался путникъ, унылый, утомленный дальнею дорогой. По временамъ онъ озиралъ окрестность, и страшная существенность печалила его еще болѣе. На роковомъ деревѣ, *косипара*, служившемъ плахою для преступниковъ, висѣло нѣсколько человѣкъ. Не было живаго существа вокругъ; дикія птицы умолкли и казалось исчезли, домашнія стадами вырывались изъ-подъ кровель жилищъ и тяжелымъ летомъ неслись вдаль; природа видимо затѣвала что-то ужасное. Это страданіе, эта агонія страны сильно дѣйствовали на путника.

Путникъ былъ Яксартъ - ханъ, родственникъ Достъ-Мухамметъ-хана, и слѣдовательно Фетъ-хана, и родной племянникъ Магометъ-Азимъ - хана, бывшаго владѣтеля Кашемира, съ которымъ онъ отчасти раздѣлялъ власть, когда Кашемиръ былъ подъ правленіемъ Авганистана. Яксартъ за что-то поссорился съ

своею фамиліей и удалился изъ Авганистана къ Реджитъ-Сингу, но магараджа Лагора, принявшій его сначала какъ гостя, близкаго сердцу, воспользовался какимъ-то случаемъ для ссоры съ нимъ, и лично враждуя со всею фамиліей Достъ-Мухаммета, приказалъ бросить своего гостя въ тюрьму. Яксартъ бѣжалъ. Но куда было удалиться? Въ Индію? правда, тамъ въ одномъ городѣ ласкали шаха-Шуджу, а въ другой принимали членовъ фамиліи Достъ - Мухаммета — на всякій случай; но послѣдніе не любили Англичанъ.—Въ Авганистанѣ приняли бы Яксартъ-хана какъ измѣнника, предавшагося Реджитъ - Сингу. Яксартъ бѣжалъ въ Кашемиръ. Думалъ ли онъ найти тайный пріютъ между народомъ, который нѣкогда любилъ его, или даже надѣялся, при помощи вывезенныхъ имъ изъ отечества драгоценностей и прежнихъ друзей, овладѣть Кашемиромъ и явиться грознымъ противникомъ магараджи, къ которому кипѣлъ онъ местию, — неизвѣ-

стно. Иные говорили, что онъ предпринялъ путешествіе только для того, чтобы развѣдать о своей гаремной любимицѣ, Фатьмѣ, о которой не переставалъ тосковать и которая была у него отнята нынѣшнимъ правителемъ Кашемира; быть можетъ даже онъ имѣлъ на нее дальнѣйшіе виды. Во всякомъ случаѣ, онъ рассчитывалъ на магометанское населеніе города, которое числомъ и нравственною силой пресблдало надъ поклонниками Будды.

Только у самыхъ городскихъ воротъ путникъ услышалъ человѣческій голосъ; но это не былъ откликъ часоваго. «Аллахъ экберъ!» говорилъ нищій, простирая руку къ путнику, котораго молодость и благородная наружность, общая фамилія Достъ-Мухаммета, давали ему надежду на дневный кусокъ. Яксартъ бросилъ ему монету.

— Скажи, пожалуйста, спросилъ онъ, вымеръ ли народъ въ вашей странѣ, или

только притаился въ ожиданіи чуда, которое ему готовить небо.

« Не чудо , а кару ! Смотри, видѣлъ ли ты небо, страшнѣе этого ? Грудь надрывается и тоска невольно тянетъ къ землѣ. »

— Что жъ все это значить ? —

« Правители гнетутъ народъ , народъ клянеть правителей, а гдѣ же тутъ мѣсто для молитвы, о которой не напоминаютъ болѣе благочестивые люди, потому что ихъ нѣтъ ; только ропотъ и клятвы доходятъ до неба, и небо видимо рѣшилось потрясти этихъ властителей и, можетъ быть, навести на путь народъ. »

— Бѣдный народъ ! бѣдный Кашемиръ ! —

И это тотъ городъ, что служилъ постояннымъ мѣстомъ отдыха и нѣги для императоровъ востока, на который они расточали свои огромныя сокровища, желая возсоздать рай на землѣ ! Еще видны остатки ихъ царскихъ жилищъ, но ихъ окружаютъ печаль и стоны ; народныя

площади стали еще шире, но онѣ не кипятъ болѣе пародомъ. Все пусто. Давно листукъ токарныхъ и ткацкихъ становъ раздавался повсюду. На всей долинѣ 150000 жит. были заняты выдѣлкой дюшали (*), или шалей, какъ называютъ ихъ въ Европѣ. Каменные издѣлія были превосходны. Городъ, какъ въ день праздника, благоухалъ розами отъ выдѣлываемой вездѣ эссенціи, которая, не имѣя того сильного, удушающаго запаха, какъ розовое масло, выдѣлываемое въ Турціи и Персіи, дышала всею свѣжестію вполнѣ распустившейся розы, розы Кашемира! А теперь !.....

(*) Нынче шами дѣлаютъ въ Дели, Земли, даже въ нѣкоторыхъ городахъ Средней Азіи, но всѣ онѣ уступаютъ кашемирскимъ шалямъ, и Азіатцы, не зная чѣмъ объяснить это, приписываютъ достоинство шалей Кашемира тамошней водѣ. До 40 тысячъ занятъ нынче этой работой въ Кашемирѣ. Пара лучшей доброты шалей обходится работающимъ въ 3000 рублей ассигнаціями и продается за 4000 и даже вѣсколько дешевле на мѣстѣ.

— Кто править въ городѣ? спросилъ Яксартъ. —

«Все тотъ же Магомметъ-ханъ.»

Въ это время послышался отдаленный гулъ, потомъ раскатъ, другой, земля дрогнула, всколебалась, и общій крикъ, общій вопль, словно сдавленный дотолѣ и вдругъ прорвавшійся, раздался! Народъ хлынулъ отовсюду; городскія стѣны пошатнулись, закачались, башни мечетей, дома распадались; народъ гибнулъ подъ развалинами, и стоналъ надъ развалинами; но это былъ только первый ударъ землетрясенія. Яксартъ кинулся къ дому правителя, который уцѣлѣлъ; еще ударъ, и часть дома низверглась: оставался одинъ фронтонъ, который повисъ словно на воздухѣ, и на немъ стояла женщина, въ отчаяніи ломая руки, какъ духъ, терзающійся надъ всеобщимъ разрушеніемъ. Это была Фатьма. Черезъ груды камней и обломки дерева, Яксартъ пробирался къ ней, и бѣдная женщина столько же страшилась приближенія по-

сторонняго челоѣка въ виду всѣхъ и можетъ быть самаго Магомметъ-хана, какъ и предстоявшей гибели; но въ это время удары землетрясенія слѣдовали такъ быстро одинъ за другимъ, что земля нѣкоторое время представляла видъ взволнованнаго моря, какъ справедливо доносилъ правитель Реджитъ-Сингу. Во многихъ мѣстахъ образовались глубокіе обвалы, какъ бы для того, чтобы преградить дорогу спасающемуся народу. Рѣка Джеламъ, или Батъ (древній Гидасписъ), вышла изъ береговъ и съ шумомъ и быстротою несла камни, увлекала трупы. Только, какъ объяснить тайну этого естественнаго явленія, — озеро Вилмаръ (Уалмаръ) было тихо и покойно, какъ бы ничего не происходило вокругъ. Народъ кинулся къ нему и вдругъ на берегахъ его образовались цѣлыя толпы, безъ пріюта, безъ пищи.

Прошелъ день. Природа казалось успокоилась отъ своего возстанія. Порывъ ужаса прошелъ, и отчаяніе, самое безна-

дежное, наступило. Народъ сталъ возвращаться въ городъ; еще возвышалось много домовъ, но по нимъ прошли шайки нищихъ, которымъ было все равно какъ и гдѣ не гибнуть, и оставшись въ городѣ, ограбили что могли. Полиція, и безъ того слишкомъ слабая, теперь не существовала. Правитель первый потерялъ голову и лишившись всего ему близкаго подъ развалинами своего дома, вопилъ болѣе прочихъ. Трупы валялись въ городѣ, стоны раздавались всюду; кто искалъ сына, кто брата, а природа прояснилась, какъ въ радостный праздникъ; но это не надолго: опять стемнѣло и опять застонала, загудѣла земля — и землетрясеніе повторилось со всѣмъ ужасомъ. Народъ кинулся къ своему спасителю, Вилмару, но въ это время посреди тихаго озера образовался водоворотъ и черезъ нѣсколько минутъ правый берегъ обрушился вмѣстѣ съ людьми, и озеро хлынуло въ обвалъ. Народъ разбѣжался куда и какъ могъ.

Землетрясеніе продолжалось втеченіи

трехъ мѣсяцевъ, съ нѣкоторыми пере-
межками. Казалось природа хотѣла пока-
зать человѣку, невыразумѣвшему всей си-
лы ея созиданія, всю мощь разрушенія —
и человѣкъ понялъ ее! — Едва ли когда
она проявлялась въ такомъ ужасномъ,
всеразрушающемъ видѣ; земля предста-
вляла истерзанный, изувѣченный, по-
крытый развалинами трупъ. Ударъ по-
трясъ и горы, и нѣсколько обломковъ кам-
ней съ грохотомъ скатилось на долину.

Настала зима, которая въ Кашемирѣ
замѣтнѣй чѣмъ въ окрестныхъ мѣстахъ.
Всеобщая нищета и стужа породили хо-
леру. Народъ бѣдствовалъ невыносимо, а
магараджа Реджитъ-Сингъ послалъ въ
Кашемиръ подкрѣпленіе своему гарнизо-
ну съ требованіемъ подати, простправ-
шейся до 3,000,000 рублей ассигнаці-
ми, суммы во всякое время значительной,
если взять во вниманіе грабительство
правителя и содержаніе гарнизона, кото-
рое падаетъ на народъ, но въ то время,
когда отъ всего народонаселенія Кашемир-

ской долины, простиравшагося за миллионъ жителей, едва оставалось 100,000 (*), уцѣлѣвшихъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ, или разсѣянныхъ по лѣсамъ и не имѣющихъ средствъ къ собственному пропитанію, — въ то время эта подать была рѣшительно неуплатима.

Яксартъ-ханъ оставался въ Кашемирѣ, и въ этомъ хаосѣ природы и вещей, труповъ и развалинъ, наслаждался своимъ счастьемъ, прижимая къ груди свою голубку, свою Фатьму, которую онъ вынесъ изъ подъ рушившихся отовсюду зданій; но вскорѣ увидѣлъ, что ему невозможно долѣе скрываться и, главное, скрывать свое сокровище, потому что правительство магараджи возвратилось въ городъ. Онъ тайно, со своими приверженцами, отправился въ Шецаръ, взявъ съ собою Фатьму. Шецаръ, на Кашемирской же долинѣ и едва ли немногимъ

(*) Теперь это народонаселеніе опять возросло до 200,000 жителей.

уступалъ въ населеніи самому Кашемиру, въ которомъ считалось, разумѣется прежде, до 100,000 жителей.

Путники наши безпрепятственно вошли въ городъ ; видно было, что землетрясеніе здѣсь дѣйствовало съ меньшей силой ; еще возвышалось много домовъ, но въ городѣ было пусто, улицы поросли травой, дворы стояли настезь ; обезьяны безбоязненно перепрыгивали съ крыши на крышу и своими уродливыми тѣлодвиженіями и гримасами дразнили путниковъ. Яксартъ и друзья его вошли въ домъ, въ другой ; но тамъ было также пусто какъ и на улицахъ, отдавалось гнилью , и только всполохнутая дикая птица нарушала тишину своимъ полетомъ, или забытый, уже разрушившійся трупъ напоминалъ о страшномъ событіи въ городѣ.

Наконецъ , въ отдаленномъ кварталѣ, они встрѣтили людей : два высохшихъ скелета, въ глазахъ которыхъ еще теплилась жизнь, лежали на солнцѣ и по исто-

мѣ ихъ видно было, что они, за невозможностію избѣжать общей участи, предались голодной смерти, не ища напрасно средствъ противостать гибели : это были поклонники Будды. Напрасно наши странники обращались къ нимъ съ вопросомъ , отвѣта не было. Вскорѣ они увидѣли мальчика , который убѣжалъ отъ нихъ , какъ дикій. Но все таки они рады были, что увидѣли хоть признаки населенія; далѣе примѣтили еще двѣ тощія человѣческія фигуры, словно выходцевъ изъ долины Іосафата въ день страшнаго суда, и тѣ скрылись ; наконецъ они встрѣтили стараго друга Яксартъ-хана, который обнялъ его, проводилъ къ себѣ и за скудною трапезой, состоявшей изъ спнара (*trapa bicornis*), единственной пищи кашемирскихъ пастуховъ , рассказалъ объ ужасѣ землетрясенія и страшныхъ послѣдствій холеры. Кварталъ этотъ уцѣлѣлъ, потому что прервалъ всякое сообщеніе съ городомъ, такъ покрайней мѣрѣ думали его жители ; прочіе или вымерли или разбѣ-

жалпсь. Но не спасся и этотъ остатокъ живущихъ : была-ль занесена холера, пришедшими, которые посѣщали зараженные дома, или была-ль то воля Божія, только болѣзнь низошла сюда и смерть пріосѣнила крыломъ эту горсть людей. Фатьма заболѣла. Вотъ еще черта самоотверженія, съ которымъ любятъ женщины на востокѣ. Прокаженную всѣ оставили, боясь заразы ; одинъ Яксартъ не хотѣлъ разлучиться съ нею. Тогда она выслала его подъ какимъ-то предлогомъ изъ комнаты, и собравъ послѣднія усплія, заперла дверь. Напрасно онъ умолялъ ее отпереть, грозился выломать дверь. Она отвѣчала, что лишитъ себя жизни при малѣйшемъ успліи дойти до нея и только просила, что бы онъ не отходилъ отъ дому, потому что душа ея сочувствуетъ его присутствію и ей будетъ тяжело остаться одой.

Фатьма умерла. Невыносимо тяжела была жизнь для Яксарта; отчаяніе овладѣло имъ, но друзья спасли его ; когда

пришелъ гарнизонъ магараджи въ этотъ пустой городъ, они снарядили Яксарта купцомъ и отправили въ Ладахъ. Чтобы точнѣе взыскать подать, новый начальникъ сдѣлалъ строгую перепись въ городѣ: оказалось въ 2350 домахъ 40 человекъ жителей !....

Яксартъ-ханъ, черезъ Яркендъ и Кашгаръ, прибылъ въ Кульжу, китайскій пограничный городъ на западѣ, гдѣ встрѣтился со мною и разсказалъ эту черную страницу своей жизни, какъ выразился онъ.

Землетрясеніе въ Кашемирской долинѣ, продолжавшееся около трехъ мѣсяцевъ, конечно непостоянно, но, весьма часто-повторявшимися ударами, составляетъ необыкновенное естественное явленіе. Желая пояснить его, я собиралъ возможные, относящіяся къ нему свѣдѣнія, и могу сказать, что выставленные здѣсь данныя точны и числа по возможности вѣрны.

Для тѣхъ, кого занимаетъ судьба Яксартъ-хана, прибавлю, что въ одной изъ

тюремъ ханства Средней Азіи, онъ примирился съ Казимъ-беемъ, родственникомъ Достъ-Мухамметъ-хана и съ однимъ изъ сыновей его, а черезъ нихъ и съ самимъ Достъ-Мухамметомъ и въ послѣдствіи игралъ роль во всеобщемъ возстаніи въ Афганистанѣ. Жизнь тревогъ и битвъ сдѣлалась любимой его сферою со времени потери Фатьмы, о которой онъ не переставалъ вспоминать, а можетъ быть и теперь еще воспоминаетъ.

ТУРКМЕНЕЦЪ

РАХМАНЪ-АЯЗЪ.

ТУРКМЕНЕЦЪ

РАХМАНЪ - ДЯЗЪ.

Ужасная, въ высшей степени трагическая развязка происшествія, которое я сейчасъ стану рассказывать, случилась два года тому назадъ, на глазахъ всей Бухары и двѣнадцати человѣкъ Русскихъ и конечно глубоко врѣзалась въ памяти послѣднихъ, конечно каждому изъ нихъ не разъ повторялась во снѣ, живо являлась возмущенному воображенію женщина, юная и прекрасная, изнемогающая въ судорожныхъ мученіяхъ, съ которыми никакая пытка не

можетъ сравниться. Съ грустію я долженъ сказать, что слѣдующее событіе, какъ ни ужасно оно, случилось во всей своей ужасающей истинѣ, и что явленія подобнаго рода не рѣдки на востокѣ.

Туркменецъ Рахманъ - Аязъ кочевалъ на караванномъ пути между Мешгедомъ и Хивой. Все достояніе его состояло изъ жены, Киргизки, вымѣненной имъ гдѣ-то близъ Каспійскаго моря на двухъ верблюдовъ и лошадь, — жены, какъ можете судить по цѣнѣ, не слишкомъ бойкой и красивой, одного верблюда, доставшагося ему впослѣдствіи, при разграбленіи какого-то каравана, добраго коня, добытаго въ барантѣ и десяти овецъ, не знаю какъ пріобрѣтенныхъ; но Рахманъ не сокрушался отъ своей бѣдности, и много-ль нужно для жизни сына степей; былъ бы верблюдъ, на которомъ могъ бы онъ перекочевывать съ мѣста на мѣсто, да конь, чтобъ рыскать по безграничному сухому океану степей, да нѣсколько овецъ, снабжающихъ кочеваго человѣка

пищею и одеждой, — такъ онъ и счастливъ. Свобода и степь, степь и свобода, — вотъ его роскошь, его счастье. Послѣ родной степи, Туркменецъ любилъ болѣе всего своего добраго коня, потомъ жену, потомъ уже кумысь. Аязъ былъ молодъ и безпеченъ, какъ истый Туркменецъ; зиму проводилъ въ кибиткѣ, въ совершеномъ бездѣйствіи мысли и тѣла, большею частію предаваясь сну; лѣтомъ водилъ караваны, и, какъ человѣкъ расторопный и отважный, очень нравился караванъ-башѣ, бухарцу Рахимъ-баю, который проходилъ непременно два раза въ годъ этимъ путемъ и всегда бралъ съ собою Рахманъ-Аяза въ Бухару. Отсюда простекли всѣ его бѣдствія: принятый въ домъ караванъ-баши, какъ человѣкъ близкій, покровительствуемый хозяиномъ, онъ увидѣлъ дочь его, и новое чувство, котораго бѣдный Туркменецъ не понималъ, возродилось въ немъ и преобразило его.

На востокъ любовь вспыхиваетъ, какъ

порохъ. Таинственное покрывало женщины, скрывая ее отъ преступныхъ взоровъ, раздражаетъ любопытство, подстрекаетъ желанія правовѣрныхъ, и если это покрывало, какъ нибудь нечаянно или съ намѣреніемъ спадетъ съ лица женщины, если это лице не дурно, — мысль обладанія имъ быстро заражается въ душѣ мусульманина; препятствія только раздражаютъ его. Это можетъ быть не любовь, но чувство эгоизма, страсть къ преобладанію, столь общая на востокѣ. Впрочемъ, я не хочу разбирать фізіологически вопросъ, столь важный; я представилъ вамъ только фактъ.

Туркменецъ былъ хорошъ собою и потому не могъ не поправиться Нюръ-Пашѣ, которая можетъ быть впервые увидѣла сторонняго мужчину; они пашли случай объясниться, и вскорѣ Рахманъ-Аязъ приступилъ къ караванъ-баши съ просьбою, чтобъ тотъ отдалъ ему дочь свою. Надобно вамъ сказать, что караванъ-баши, т. е. глава-каравана, лице важное въ Сред-

ней Азіи, удостоиваемое этого званія большою частию выборомъ самаго хана, всегда богатое, слѣдственно пользующееся общимъ уваженіемъ и привыкшее къ деспотической власти въ своемъ караванѣ. Рахимъ-бай былъ по преимуществу караванъ-баши, по преимуществу таджикъ (*), человекъ, у котораго вмѣсто души были счеты, и онъ при всякомъ случаѣ повѣрялъ на нихъ свои барыши и убытки, или безмѣнъ, на которомъ онъ взвѣшивалъ отношенія свои къ людямъ.

«А можешь ли ты заплатить за дочь мою выкупъ верблюдами и разными товарами всего до 400 тилъ» (около 6000

(*) Таджики коренные обитатели Бухарскаго ханства ; они занимаются почти исключительно торговлею ; скупы, лживы, трусливы въ высочайшей степени. Какъ бы для противоположности, маленькая и черная душенка ихъ находится въ прекрасномъ тѣлѣ. Таджики высоки, стройны, съ прекрасными, полными выраженія черными глазами, римскимъ носомъ и правильными чертами лица.

руб. асс.), Спросилъ насмѣшливо Рахимъ бай.

— Нѣтъ ! — отвѣчалъ Туркменецъ.

« Такъ нѣтъ тебѣ моей дочери. »

Туркменецъ уѣхалъ. Теперь его единственной мыслию, единственною заботой было добыть 400 тиллъ ; но какъ добыть ихъ кочевому человѣку ! Напрасно подстерегалъ онъ, близъ караваннаго пути, заподазлаго и оплошавшаго путника или другую добычу, — добыча была или слишкомъ скудна, или не подъ силу ему, а товарищей собрать онъ не могъ, потому что не пользовался извѣстностію батыря. Напрасно участвовалъ онъ въ барантахъ, самыхъ отчаянныхъ, и ходилъ на море (Каспійское), — на промыселъ за плѣнниками : на долю его приходилось слишкомъ не много для того, чтобы скопить въ годъ или два такую огромную сумму, а терпѣнія Туркменца не хватило бы на болѣе длинный срокъ, да и мало-ль что могло случиться даже и въ это время !

Вдругъ блеснула ему счастливая мысль:

✓
отправиться въ Тегеранъ, сообщить ан-
глійской миссіи вѣсти объ Стотартѣ и
Коноли, уже сидѣвшихъ въ ямѣ въ Бу-
харѣ, и вызваться доставить имъ письмо
и привезти отъ нихъ отвѣтъ : предпріа-
тіе, въ высшей степени отчаянное ; по
Рахманъ-Аязъ имѣлъ уже случай оказать
разъ маленькую услугу Коноли и по опы-
ту зналъ, какъ дорого платятъ Англичане
за подобнаго рода дѣла. Задумано и сдѣ-
лано. Черезъ нѣсколько дней, онъ бро-
дилъ уже около Кана-хане и улучалъ вре-
мя и обстоятельства, чтобы передать Ко-
ноли и Стотарту привезенное имъ изъ Те-
герана письмо ; но это сдѣлать было не
легко, и онъ на первый разъ ушелъ безъ
успѣха.

Вы вѣдь знаете, что такое Кана-хане?
Это та знаменитая яма, темница, о кото-
рой я говорилъ въ первой книжкѣ «Стран-
ствователя»; она находится въ самомъ ар-
кѣ, въ укрѣпленной цитадели, рядомъ съ
Абъ-хане, не далеко отъ ханскаго дворца,
почти между дворами, занимаемыми его

гаремомъ и визиремъ; слѣдовательно проникнуть къ ней не легко, а возбудить подозрѣніе сторожащихъ ее сарбазовъ, значило подвергнуть жизнь свою несомнѣнной опасности. Рахманъ — Аязъ вышелъ изъ арка съ тѣми же предосторожностями, какъ и вошелъ въ него.

Если вы встрѣтите на улицахъ Бухары человѣка, въ засаленномъ алачевомъ — не премѣнно алачевомъ — халатѣ, подпоясаннаго веревкой, вмѣсто пояса, безъ верхняго халата, прикрывающаго опояску, по обычаю Азіатцевъ, въ черной суконной шапочкѣ, опушенной мерлушкой, вмѣсто чалмы, всегда пѣшаго, хоть грязь по колѣно, что въ Бухарѣ случается послѣ каждаго, даже небольшого, дождя, человѣка, робко прокрадывающагося по улицамъ съ опущенною головой, съ рѣдкою черной бородой, съ блестящими глазами, человѣка, котораго толкаетъ кто хочетъ, въ котораго мальчишки, забавы ради, кидаютъ камнями и грязью, — этотъ человѣкъ вѣрно жидъ. Если вы, пройдя отъ

Регистана безчисленный рядъ улицъ и переулковъ , перейдете черезъ каналъ Шяхри-рудъ и поворотите въ лѣво отъ Турки-Джанды, то достигнете совершенно отдѣльнаго квартала , мрачнаго , грязнаго , большею частію пустыннаго , хотя съ домами, обращенными индѣ окнами на улицу, но эти окна всегда закрыты ставнями, лишеннаго отрадной зелени и даже хоузовъ , бассейновъ , довольно часто встрѣчаемыхъ въ Бухарѣ , — это кварталъ жидовскій, кварталъ паріевъ. Правовѣрный пробирается сюда изрѣдка , тайкомъ , или за запрещеннымъ напиткомъ , или для коммерческихъ сдѣлокъ , или тайныхъ потребъ своего сердца.

Сюда отправился Рахманъ-Аязъ, видя явную необходимость въ посторонней помощи, хотя онъ съ такимъ же отвращеніемъ прибѣгалъ къ помощи жида, какъ бы прибѣгнулъ къ защитѣ самаго дьявола.

Евреи , разсѣянные по всей землѣ, болѣе или менѣе гонимые всюду, тѣмъ

тѣснѣе жмутся другъ къ другу, если сойдется ихъ нѣсколько на чужбинѣ, — а для нихъ всюду чужбина, — тѣмъ крѣпчѣ связаны духомъ единства, духомъ братства; это отличительная черта характера еврейскаго племени; она только и осталась отъ всего хорошаго, родового въ народѣ, между Евреями бухарскими. Религія здѣшнихъ Евреевъ искажена въ высшей степени; не имѣя ни священныхъ книгъ, ни равиновъ, они только ощупью, по наслышкѣ, исполняютъ главнѣйшіе обряды и празднуютъ нѣкоторые дни. Почтенный Вольфъ приходилъ отъ нихъ въ совершенное отчаяніе. Все вниманіе здѣшняго жида устремлено на защиту своей собственности отъ безпрестанныхъ покушеній бухарскихъ властей и на стремленіе къ ея увеличенію, какъ ни ограничены къ тому его средства. Многіе изъ Евреевъ, чтобы избавиться отъ угрожавшей имъ, за какое нибудь преступленіе, казни, приняли магомметанскую религію; еврей-магомме-

танинъ долженъ перейти въ другую часть города и взять жену магомметанку, какую нибудь плѣнницу; впрочемъ, въ душѣ, онъ остается поклонникомъ закона Моисеева, въ тайнѣ посѣщаетъ жиновскій кварталъ, который онъ себѣ усвоилъ, съ которымъ сроднился за неимѣніемъ родины.

Грустное зрѣлище представляетъ человекъ, повсюду преслѣдуемый людьми, безъ родины, безъ вѣры, безъ защиты отъ правительства. Надобно сознаться, что христіанскія правительства, въ среднія вѣка, преслѣдовали Іудейское племя еще съ большимъ ожесточеніемъ : извѣстенъ Толедскій эдиктъ въ Испаніи, которымъ Евреи подвергались совершенному рабству, лишенію всѣхъ правъ гражданства, и дѣти ихъ, старше семи лѣтъ, исторгались изъ семей своихъ. — Вслѣдъ за тѣмъ пала гроза на Испанію, нагрянули Мавры, и Евреи получили отъ магомметанъ законное покровительство, которое тщетно выпрашивали и выкупали

отъ христіанъ. Еще въ наше время одинъ изъ представителей конституціоннаго правительства сказалъ во всеуслышаніе. «Я ненавижу угнѣтеніе, подъ какимъ бы видомъ оно не проявлялось; я *другъ челоѡчества*; но первый скажу, жгите жида, гдѣ встрѣтите въ государствѣ; жгите его живаго!» Это очень по-челоѡчески и по-дружески!

Рахманъ-Аязъ постучался у одного домика, нѣсколько уже склонившагося на сторону отъ старости, но все еще лучшаго въ этомъ нищенскомъ кварталѣ, и на повторенный нѣсколько разъ стукъ отозвался голосъ, хриплый и отрывистый, а послѣ нѣсколькихъ объясненій дверь отворилась и показался низенькій, тощій старичокъ, съ маленькою сѣдою бородкой, прикрытый чѣмъ-то, совершенно неопредѣлительнымъ, самъ Сауль-Качкаданъ, — какъ звали его всѣ Бухарцы. —

Этотъ Еврей былъ въ связи со многими близкими къ особѣ хана; онъ снабжалъ ихъ тайно виномъ, подъ часъ другимъ

землемъ, въ которомъ нуждаются старики; говорятъ даже, что для ихъ услуги, онъ готовъ былъ и на болѣе святотатственные дѣла; какъ бы то ни было, особа его была болѣе обезопасена, чѣмъ особа каждаго другаго жида въ Бухарѣ, и ему поручено было даже судейское разбирательство въ неважныхъ случаяхъ между Евреями.

«Чѣмъ могу тебѣ служить?» спросилъ сухо Сауль-Качкаданъ.

— Мнѣ нужно вина. —

«Какое у меня вино! Чтобъ я, старикъ, сталъ держать у себя этотъ богопротивный напитокъ.

— Послушай! я здѣсь пріѣзжій, какъ ты самъ видишь по моей одеждѣ и языку; никого почти не знаю въ городѣ и выдать тебя не могу и не захочу, потому что я честный Туркменецъ, а не таджикъ какой-нибудь; къ тому же я другъ Абдурессуля, а онъ сказалъ, что я могу обратиться къ тебѣ въ случаѣ нужды и

во всемъ положиться на тебя ; нужда пришла.

« Абдурессуль былъ моимъ истиннымъ благодѣтелемъ ; говори, что тебѣ надобно, — нѣтъ , прежде скажи, можешь ли мнѣ заплатить за услугу : я бѣдный человекъ.

— Могу.

« Вотъ тебѣ вино, а что дальше ?

« Ты вхожъ въ домъ Рахимъ-бая.

« Да ; онъ жалуетъ меня.

— Можешь видѣть дочь его ?

« Почему же нѣтъ ! Самъ знаешь, жидъ, и дряхлый жидъ, таже тряпка въ глазахъ истиннаго магомметанина ; а что осквернитъ она домъ правовѣрнаго, — не бѣда : можно сдѣлать омовеніе , сказалъ Саулъ-Качкаданъ и наблюдатель болѣе опытный, чѣмъ нашъ Туркменецъ, могъ-бы замѣтить злую пропію въ этихъ словахъ ; къ тому-же, продолжалъ онъ, я принесу отцу вина , а дочери коралловъ и еще кое-какихъ бездѣлушекъ , что такъ

правятся дѣвушкамъ : ей же они теперь нужны, къ свадьбѣ.

— Къ свадьбѣ ! и Туркменецъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

Тайна его вполне была открыта Еврею. « Не пугайся , сказалъ онъ , это еще однѣ предположенія ; можетъ-быть свадьба и не состоится.

— А за кого прочать Нюръ-Пашу ?

« За джелия.

Джелиль, палачъ, въ Бухарѣ не то, что палачъ въ Европѣ, и потому тѣ очень ошибутся, которые будутъ судить о бухарскомъ палачѣ по нашимъ европейскимъ понятіямъ. Правда, и тамъ обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы казнить людей и иногда исполнять приговоры къ тѣлесному наказанію, говорю иногда, потому что для этого каждый живущій у эмира пригоденъ въ силу частыхъ упражненій; но въ Бухарѣ палачъ лицо уважаемое ; какъ потому, что онъ пользуется довольно большими доходами, а въ землѣ купцовъ ни что такъ не уважается,

какъ богатство, такъ и потому, что ни кто не можетъ поручиться за себя, чтобы не попался въ его руки. Практика палача довольно значительна, какъ можно судить изъ того что въ 1841 году, въ теченіи одного мѣсяца, казнено 17 человѣкъ, въ томъ числѣ 4 женщины. Доходъ его состоитъ въ остаткахъ имущества казненаго, говорю въ остаткахъ, потому что главное идетъ въ казну хана; кромѣ того, родственники осужденнаго платятъ палачу какъ по обязанности, такъ и потому, чтобъ избавилъ отъ мученій свою жертву, и поскорѣе совершилъ переходъ ея отъ жизни къ смерти. Палачъ, лицо довольно приближенное къ особѣ эмира и нерѣдко удостоиваемое почетнаго ножа отъ руки его и даже халата съ плеча ханскаго.

— Скажи Нюръ-Пашѣ, чтобы не выходила ни за кого за мужъ, скажи ей, что еще скошенный лугъ не позеленѣетъ, а я вернусь опять въ Бухару и заплачу за нее выкупъ отцу. А если она меня не слушаетъ, если желала ей болѣе мила,

чѣмъ я, пускай выходитъ за него, пускай вмѣстѣ тѣшатся надъ тѣмъ, что я за женщину жертвовалъ жизнію; но пусть знаетъ она, что и мертвый, я не дамъ ей покоя. Я поклялся добыть ее во чтобы ни стало, и сдержу клятву, — а ея клятва, принадлежать мнѣ и никому другому, легче моей.

«Такъ чѣмъ же ты думаешь заплатить Рахимъ-баю за дочь? вѣдь я знаю, каковъ онъ! говорятъ, и джелиль крихтитъ, — такъ велика сумма, что заломилъ таджикъ!

Туркменецъ призадумался. Какъ ни легковѣренъ былъ сынъ степей, онъ открылъ Саулъ-Качкадану тайну своего сердца въ увѣренности, что ему нѣтъ выгоды воспользоваться ею и предать бѣднаго Туркменца: но выдать тайну людей, которыхъ принялъ съ клятвой на свою отвѣтственность, тайну, отъ которой зависитъ ихъ жизнь, — онъ не рѣшался. Съ другой стороны, онъ видѣлъ всю невозможность исполнить одному воз-

ложенное на него порученіе; зналъ очень хорошо, что жиды одни во всей Бухарѣ, вѣроятно во всей Средней Азіи, радовались успѣху Англичанъ въ Афганистанѣ, душою преданы ихъ дѣлу, въ надеждѣ на переменѣну своей горькой судьбы, и не разъ уже помогали Стотарту въ Бухарѣ, Шекспиру въ Хивѣ, что жидъ за деньги готовъ отважиться на многое, за деньги онъ даже будетъ смѣлымъ, по возможности, не только честнымъ, а Саулъ-Качкадана онъ кромѣ того зналъ по наслышкѣ отъ своего друга, какъ мы уже замѣтили, за человѣка вѣрнаго.

«Мнѣ нѣтъ дѣла знать, гдѣ ты возьмешь денегъ, сказалъ жидъ, хотъ займи ихъ у дьявола....»

— Зачѣмъ говоришь ты такія слова!

«Но мнѣ надобно удостовѣреніе, что деньги дѣйствительно будутъ у тебя. Мы вѣдь для того орошаемъ землю потомъ, чтобы она дала плодъ. А какъ не знать мнѣ, что у бѣднаго Туркменца, кромѣ коня да нагайки, ничего быть не можетъ.

Туркменецъ нѣсколько времени колебался между сомнѣніемъ и необходимою, и наконецъ, благословясь въ душѣ, рѣшился взять себѣ въ помощники Сауль-Качкадана, и разсказалъ, въ чемъ дѣло. Глаза жиды засверкали, какъ у кошки, почуввавшей близость добычи, улыбка показалась на блѣдныхъ и изсохшихъ устахъ, а эта улыбка являлась только при видѣ свѣтлыхъ очей визиря, и то по заказу.

— А отъ кого и какъ получишь ты деньги въ случаѣ успѣха ?

«Половину здѣсь, отъ одного Индійца, по запискѣ, которую дастъ Стотартъ въ случаѣ успѣха въ дѣлѣ, другую въ Тегеранѣ.

— Хорошо, хорошо : деньги вѣрныя.

«Теперь исполнишь, о чемъ я просилъ тебя и передашь мое порученіе ?»

— Непремѣнно исполню.

«А какъ приступить намъ къ дѣлу Англичанъ, какъ обмануть бдительность тюремной стражи ?

Еврей призадумался. Ворота въ аркъ запираются вечеромъ, разсуждалъ онъ, относя эти слова болѣе къ самому себѣ, чѣмъ къ своему собесѣднику, и у нихъ всегда надежный караулъ, большею частію изъ людей, преданныхъ хану: тутъ нечего и пытаться; во всякомъ случаѣ надобно перелѣзть черезъ стѣну арка. Только, знаешь, безъ лишнихъ приготовленій, безъ лѣстницы, иначе замѣтятъ, съ одною веревкой..... ты это можешь сдѣлать?

— Могу. Была бъ только темная ночь.

«А тамъ, продолжалъ еврей, опять какъ бы говоря самому себѣ, едва выжимая слова сквозь зубы, тамъ опять эти проклятые сарбазы у самой тюрьмы; правда, между ними большая часть Персіянъ, которые хоть и приняли сунитскій законъ, однако въ душѣ своей все таки остаются шіитами; все таки помнятъ свою родину и то, что они тутъ плѣнники и по не-волѣ служатъ въ ханскомъ войскѣ: на нихъ иногда можно понадеяться»

ся въ дѣлѣ измѣны ; правда, трусы, и при первой пыткѣ выдадутъ тайну ; но надобно, чтобъ они не знали ее вполнѣ. Улучить бы только такое время, когда въ караулѣ будутъ стоять люди повѣрнѣе и понадежнѣе для насъ ; а тамъ подкупъ, вино....

Новые знакомцы толковали еще нѣсколько времени , условились въ нѣкоторыхъ мѣрахъ, и разстались.

Въ темную, дождливую ночь, Рахманъ-Аязъ пробирался по площади Регистана. Онъ часто останавливался и прислушивался ежеминутно, потому что стѣны арка были уже передъ его глазами. Вдругъ, слышалъ онъ шаги позади себя, и прислонился къ стѣнѣ медресе Кошъ-Абдуллаханъ ; тяжелые шаги людей, поколѣбно грузнувшихъ въ грязи , дѣлались все слышнѣй и слышнѣй ; мелькнулъ свѣтъ фонарей, которые несли впереди два человека, за ними шелъ третій, также съ фонаремъ : это былъ бухарскій джелмъ, палачъ ; Туркменецъ ясно узналъ его ,

вооруженный веревкой и пожемъ, онъ готовъ былъ кинуться на своего соперника, задушить или зарѣзать его; но благоразуміе не позволяло вступить въ открытый бой противъ троихъ; кровь кинулась ему въ лицо, невольное движеніе, отъ котораго онъ не могъ воздержаться, обратило на него вниманіе джеллиа, который дозоромъ обходилъ городъ, по обязанности своей, и какъ гончая собака озирался поминутно вокругъ. — Фонарей, — закричалъ онъ своимъ провожатымъ. Рахманъ-Аязу нельзя было ни убѣжать, ни скрыться намѣстѣ: онъ очутился лицомъ къ лицу противъ палача.

«Что ты дѣлаешь, а? зачѣмъ шляешься по городу въ такую темную ночь? говори!»

— Ушла лошадь, такъ иду къ старому ея хозяину; не тамъ-ли!

«Зачѣмъ не дождался зари?»

— На зарѣ надо ѣхать, а на голодной лошади не далеко уѣдешь.

«А почему нѣтъ у тебя фонаря?»

— Гдѣ взять Туркменцу фонарь.

«Ступай домой, и чтобъ я тебя больше не встрѣчалъ, не то сейчасъ въ тюрьму.»

— А встрѣтишься въ другой разъ, самъ не будешь радъ такой встрѣчѣ, пробормоталъ Рахманъ-Аязъ.

— Зачѣмъ впускаютъ въ городъ эту кочующую тварь, говорилъ уходя джеллиль; а еще безъ особыхъ причинъ не тронь ее, потому что ханъ покровительствуетъ кочевыя племена: нужда въ нихъ большая; только разбойничаютъ!

Голосъ и шаги джеллиля затихли въ отдаленіи. Рахманъ-Аязъ обогнулъ Регистанъ и зашелъ со стороны медресе Дарульшифа къ самой стѣнѣ арка: тутъ стѣна дѣлаетъ небольшой уступъ внутрь и потому всего болѣе сокрыта отъ постороннихъ глазъ; къ тому же отсюда всего ближе къ Кана-хане, разумѣется со внутренней стороны. Рахманъ-Аязъ бросилъ черезъ стѣну камень, во кругъ котораго былъ обвитъ конецъ веревки, и дернувъ ее потомъ, убѣдился, что

она надежно укрѣплена съ другой стороны : это было дѣло союза съ Сауль-Качкаданомъ, и Туркменецъ въ душѣ своей благословлялъ его. Еще минута, и онъ карабкался по стѣнѣ ; онъ уже былъ на верху ея, какъ раздались шаги, вѣроятно часоваго внизу, и Рахманъ припалъ къ стѣнѣ ; сердце его сильно билось. Что, еслибы этотъ часовой проходилъ минутой раньше, въ то время, какъ онъ былъ еще внизу !... Когда шаги затихли, Туркменецъ нѣсколько приподнялся и по веревкѣ сползъ внизъ, но веревка не доставала до земли, и онъ, не измѣряя, не видя высоты, остающейся до земли, соскочилъ внизъ.

Внутри арка не видно было ни души, онъ даже не встрѣтилъ своего таинственнаго сообщника, который прикрѣпилъ конецъ его веревки. — Что, думалъ онъ, если жидъ ведетъ меня на погибель и гдѣ нибудь скрыта засада. Но что ему пользы, если однимъ Туркменцемъ будетъ меньше ! много ли дадутъ ему за меня ? и онъ

смѣлѣе подошелъ къ Кана-хане. Пьяный сарбазъ спалъ крѣпко. Рахманъ - Аязъ подползъ къ узкой щели, служившей вмѣсто окна для заключенныхъ и просунулъ въ нее свернутую бумажку. Прошло нѣсколько секундъ, а бумажка оставалась нетронутою, на мѣстѣ; онъ опять начиналъ думать, что жидъ измѣнилъ тайнѣ и тюремныхъ затворниковъ болѣе не существуетъ, двинулъ разъ два бумажку, чтобы шелестомъ ея обратить вниманіе заключенныхъ и эта хитрость имѣла успѣхъ: бумажка вскорѣ исчезла. Рахманъ-Аязъ сталъ дожидать отвѣта; онъ свернулся, какъ могъ, чтобы меньше занимать мѣста и быть непримѣтнѣй, притаилъ дыханіе, старался задушить самыя мысли, которыя, надобно сказать, въ эту пору у него были очень не покойны, тѣмъ болѣе, что по временамъ, когда рѣшался приподнять голову, онъ видѣлъ огонекъ въ домѣ визиря и даже слышалъ, или по крайней мѣрѣ ему казалось, что слышитъ

шаги сторожевыхъ, ходившихъ вокругъ дворца хана и шумъ пированія въ его мужскомъ сералѣ. Минуты ожиданія казались вѣкомъ для Туркменца, и мучительное томленіе сердца не разъ заставляло его забывать осторожность и приводило въ невольное движеніе; наконецъ показалась давно ожидаемая записка: это былъ отвѣтъ заключенныхъ. Радостно схватилъ ее Рахманъ-Аязъ и въ нѣсколько скачковъ достигъ до стѣны, отыскалъ висѣвшій въ воздухѣ конецъ веревки, кое-какъ вскарабкался до него и потомъ спустился, на другую сторону стѣны. Черезъ нѣсколько часовъ, рано на зарѣ, былъ онъ уже за городскою стѣною.

О, весело забилося сердце его, когда онъ увидѣлъ себя опять на своей родимой почвѣ, въ степи, на своемъ добромъ конѣ, съ драгоцѣнною добычей. Мысль обладанія Нюръ-Пашой не казалась ему болѣе пустою химерой: Туркменецъ строилъ въ умѣ своемъ самые

блестящіе планы: онъ думалъ о своемъ счастьи, которое такъ было близко для него; онъ думалъ о радости Нюръ-Паши, когда она узнаетъ, что Рахимъ-бай согласился на бракъ ея съ нимъ, съ простымъ Туркменцемъ, и мало-ль о чемъ думалъ счастливецъ: мысли его вихремъ носились въ радужномъ мірѣ и переполненное сердце купалось въ радости.... казалось и добрый конь его раздѣлялъ радость всадника, и весело помавая ушами, частой рысью ѣхалъ по вязкой, глинистой грязи. Рахманъ-Аязъ направлялся къ Кара-Кулю. Вскорѣ южное солнце изсушило растворившуюся почву и стало обычнымъ царемъ въ зенитѣ. Утомленный конь и путникъ пріостановились. Было очень душно.

Прошло нѣсколько времени. Туркменецъ готовился въ дальнѣйшій путь. Какъ — то странно было въ природѣ: солнце нѣсколько поблекло и не изливало своихъ яркихъ лучей, а воздухъ былъ жарче прежняго; совершенная тишина царствовала вокругъ. Вдругъ путникъ

нашъ замѣтилъ не вдалекѣ темную точку : она винтообразно кружилась на одномъ мѣстѣ, и все росла, росла, и понеслась огромнымъ столбомъ черной пыли, котораго верхушка представлялась въ видѣ бѣлесоватой, курчавой опушки, а вся масса была черна и непроницаема для взора. Это былъ песчаный тифонъ; его не должно смѣшивать съ вихремъ, или песчанымъ бураномъ, потому что онъ зараждается среди совершенной тишины, несется болѣе сжатой массой, и потому сила его страшнѣе и сокрушительнѣе, чѣмъ дѣйствіе обыкновеннаго вихря; вообще это воздушное явленіе, довольно частое въ степи, кажется, еще не совсѣмъ объяснено. Едва конь и всадникъ успѣли прицастъ къ землѣ, первый, руководствуясь опытомъ, а второй, инстинктомъ, какъ песчаный тифонъ пронесся надъ ними, увлекаая за собою и сокрушая все, до чего онъ касался.

Дурный знакъ, произнесъ Рахманъ-Аязъ, и не на шутку призадумался. Его

суевѣрному воображенію уже видѣлся злый духъ, выходившій изъ темнаго облака и знаменовавшій ему горе. Печально сѣлъ онъ на коня, и отправился въ путь. Вскорѣ достигъ онъ Кара-Куля, дрянной бухарской крѣпостцы, и пріостановился здѣсь на нѣсколько часовъ, чтобы купить заводную лошадь и поспѣшнѣе продолжать путь.

Еще не успѣлъ онъ совершить омовенія, о которомъ на этотъ разъ не забылъ, какъ явилось къ нему нѣсколько человѣкъ и объявили, что его требуетъ къ себѣ курганъ-беги (*) : сердце замерло у Туркменца ; однако онъ не показаль ни малѣйшаго смущенія и отправился куда приказывали ; за нимъ повели его лошадь.

« У тебя есть письмо отъ англійскихъ плѣнниковъ, что въ Бухарѣ! » сказалъ курганъ-беги, грозно обращаясь къ Туркменцу.

(*) Курганъ беги, начальникъ крѣпости.

— Нѣтъ , отвѣчалъ тотъ съ твердостью.

Курганъ-беги велѣлъ обыскать при себѣ Рахманъ-Аязъ. Шарпи вездѣ , изрѣзали въ куски его одежду , смотрѣли въ гривѣ , въ хвостѣ его лошади , между всѣми изгибами тѣла коня и всадника , и ничего не отыскали.

« А письмо все таки у тебя ; признайся , не то худо будетъ .

— Не въ чемъ признаваться : у меня нѣтъ никакихъ писемъ .

Ясно было , что Саулъ - Качкаданъ , уже получившій отъ Индійца свою долю платы за пособіе Рахманъ-Аязу , высказалъ его тайну хану или кому-нибудь изъ его приверженцевъ , чтобы получить новую плату и довершить торговый оборотъ столь выгоднаго дѣла . Но Туркменецъ лучше согласился бы умереть , чѣмъ измѣнить дѣлу англійскихъ плѣнниковъ : онъ подвергся пыткѣ .

Въ первый день его били нагайками : Рахманъ-Аязъ терпѣлъ и молчалъ . Во

второй день ему заколачивали гвозди под ногти всех пальцев: — Рахманъ терпѣлъ и молчалъ. Въ третій день водили по обнаженному тѣлу его раскаленнымъ желѣзомъ: Туркменецъ все молчалъ. Хотѣли наконецъ ломать его составы и кости, но онъ былъ въ совершенномъ изнеможеніи, едва дышалъ. Ему дали вина для подкрѣпленія, и винные пары отуманили его голову. — Конечно не для спасенія своей жизни, но въ какомъ-то безсознательномъ, полупьяномъ состояніи, онъ высказалъ тайну..... Запаенное въ свинцовый листъ письмо было найдено въ копытѣ, подъ подковой его лошади. —

Само собою разумѣется, что письмо не содержало въ себѣ никакой тайны, да никто и прочесть его не могъ; тѣмъ не менѣе, измученное, едва движущееся тѣло Туркменца отправлено было для казни въ Бухару, какъ бы для того, чтобы придать болѣе торжества этому событію.

Въ Бухарѣ есть обычай, осужденнаго на казнь вести въ особую комнату и угощать его различными яствами и напитками, что очень напоминаетъ то время, когда Римляне давали пиры въ триклиніумѣ своимъ рабамъ, которыхъ потомъ выводили на арену, для травли тиграми. У Туркменца не было ни родственниковъ, ни друзей, чтобы приготовить и раздѣлить съ нимъ предсмертную трапезу; но нашлись благочестивые люди, которые принесли ему рису и разныхъ плодовъ, и оставили одного въ комнатѣ. Физическое изнеможеніе Рахманъ-Аяза отразилось и на его нравственныхъ силахъ: онъ находился въ какомъ-то безчувственномъ состояніи души и машинально касался яствъ. Въ это время дверь отворилась, и мальчикъ, робко озираясь кругомъ, подбѣжалъ къ Туркменцу.

«Ты будешь отомщенъ, и скоро, черезъ недѣлю!» произнесъ онъ тихо, и исчезъ. — Судорожная улыбка на устахъ

Туркменца показала , что онъ вырази-
мѣлъ эти слова и утѣшился.

Казнь совершалъ бухарскій джелиль,
соперникъ бѣднаго Туркменца, и въ это
время уже счастливый обладатель Нюръ-
Паши. И только одно сердце во всей Бу-
харѣ сочувствовало страдальческой кон-
чинѣ бѣднаго Рахманъ-Аяза и дрогнуло
при его воплѣ , — это сердце Нюръ-
Паши, оставшееся вѣрнымъ ему и по-
слѣ ненавистнаго ей брака.—Нужно ли
говорить , что въ Бухарѣ, какъ между
всѣми азіатскими народами, особенно
осѣдлыми , въ дѣлѣ брака не спраши-
ваютъ желанія невесты, и рѣшеніе отца
въ этомъ случаѣ непрекословно.

Джелиль зналъ о предложеніи Турк-
менца Рахманъ-баю, и о томъ, что Нюръ-
Паша не хотѣла никому принадлежать,
кромѣ Рахимъ-Аяза. Какъ истинный
Бухарецъ , онъ былъ недовѣрчивъ ко
всѣмъ и остерегался своей жены ; спалъ
въ отдѣльной отъ нея комнатѣ, не ѣлъ
ничего, приготовленнаго дома. Но вско-

рѣ Нюръ-Паша, непрерывными угоженіями, ласками, рабскою покорностію, умѣла совершенно истребить всякое подозрѣніе въ душѣ джеллиа. Они сблизилсь. Можете себѣ вообразить внутреннюю борьбу женщины, у которой жажда мести кипѣла въ груди, а улыбка притворства не сходила съ устъ, а наружное спокойствіе должно было выражаться во всѣхъ движеніяхъ ея; женщины, согрѣвавшей своими жаркими объятіями человѣка, которому въ тоже время готовила страшную казнь.

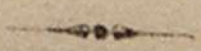
Ровно черезъ недѣлю, въ тотъ самый часъ, въ который былъ казненъ Рахманъ-Аязъ, нашли изуродованное тѣло джеллиа на его брачной постели..... Родственники его объявили убійцей Нюръ-Пашу, которая, какъ извѣстно, не любила своего мужа, тѣмъ болѣе, что и убійство было совершено въ такую пору, когда въ спальнѣ никого не было, кромѣ одной жены. Нюръ-Паша не дождалась пытки и созналась въ убійствѣ. Напрасно Рахимъ-бай

предлагалъ родственникамъ джеллиа выкупъ за кровь его, чтобы спасти жизнь своей дочери. Они требовали мести, и несчастная женщина выведена была на площадь Регистана на растерзаніе толпѣ родственниковъ джеллиа, которые какъ стая голодныхъ волковъ жаждали крови и уже роптали за медленное исполненіе приговора. Картина, невыразимо ужасная !

Тѣсная площадь Регистана была залита народомъ, а все таки не вмѣщала и части любопытныхъ, которые толпились на улицахъ, на крышахъ сосѣднихъ домовъ; только небольшой кругъ возлѣ самаго хоуза былъ очищенъ отъ народа, какъ мѣсто дѣйствія, мѣсто казни. Самъ ханъ, окруженный своими ближними, изъ арка, изъ своей цитадели, незримый толпою, смотрѣлъ сквозь небольшое отверстіе въ стѣнѣ на кровавое зрѣлище... Несчастную Нюръ-Пашу силою вырвали изъ объятій ея родныхъ, и вторгнули въ зачарованный кругъ, изъ котораго уже не было исхода; но ей еще осталось

пройти нѣсколько шаговъ до рубежа, гдѣ должны начаться ея мученія : она было остановилась, увидѣвши прямо противъ себя толпу родственниковъ джеплия, горящихъ нетерпѣніемъ и жаждой крови ея ; но грозный голосъ распорядителя казни заставилъ ее двинуться впередъ. Медленно , робко приближалась она къ роковой грани, отдѣлявшей отъ жизни : сзади ея былъ міръ, со своею роскошной природой, со всѣми радостями, какія онъ представляетъ молодости и красотѣ ; впереди , страшная пытка — и сердце Нюръ-Паши замерло. Силою толкнули ее за рубежъ и вдругъ ватага мальчишекъ и дѣвочекъ, составлявшихъ передовую фалангу этой толпы, которая систематически распредѣлила свою месть , кинулась на жертву : сотня иглъ впилась въ ея тѣло , сотни ударовъ посыпались на нее ; нѣкоторыя дѣвочки впились въ нее зубами, и терзали ее. Невыразимыя муки изображались на лицѣ ея , истерзанномъ, но все еще прекрасномъ, и стоны, глубо-

кіе, прерывистые стоны, раздирали сердца, самыя безчувственные; кровь струилась ручьемъ, куски одежды и тѣла летѣли поминутно, но мстители оставались неумолимы и когда жертва и мелкій народъ палачей уже изнемогали, явились старшіе фамиліи, на долю которыхъ досталось уже немного страданій бѣдной Нюръ-Паши. Пронзительный вопль ея возвѣстилъ, что все уже было кончено для нея на свѣтѣ, и что раздраженные палачи ея терзали уже холодный, бездушный трупъ.....

ПОѢЗДКА

ВЪ КУЛЬЖУ.

ПОВЗДКА

ВЪ КУЛЬЖУ.

—

Купеческій караванъ уже собрался и черезъ нѣсколько дней готовъ былъ выступить изъ Семипалатинска по направлению къ Чугучаку и Кульжѣ. Мы отправились впередъ, въ степь къ султану Кошъ-Магоммету, чтобы потомъ присоединиться къ каравану.

15-го Ноября мы оставили Семипалатинскъ. Два слова о Семипалатинскѣ: это маленькій пограничный горо-

докъ въ Западной Сибири, на Иртышѣ. Лѣтомъ въ Семипалатинскѣ чрезвычайно жарко и весь онъ занесенъ сугробами песку. Зимой въ Семипалатинскѣ очень холодно и весь онъ занесенъ сугробами снѣгу. Одно въ немъ постоянно, — вѣтеръ, который лѣтомъ дуетъ съ раскаленныхъ и отовсюду обнаженныхъ степей, а зимою со снѣжныхъ горъ.

Дня черезъ два мы уже приближались къ зимовью султана. Десятокъ юртъ, бѣдныхъ и побогаче, смотря потому, принадлежали ль они слугамъ или женамъ султана, и по срединѣ маленькой, кое-какъ сложенный, деревянный домикъ, подъ затишьемъ пригорковъ, окружающихъ озеро Сарыбулакъ, подъ защитой сотни казаковъ, составляли зимнее жилище султана, въ которое онъ не за-долго до нашего прибытія перекочевалъ. Все было пестро и въ разладѣ одно съ другимъ, какъ владѣлецъ этаго всего съ самимъ собою. Онъ былъ составленъ изъ противоположностей, если только проти-

воположности можно соединить воедино. То разсыпался онъ въ комплиментахъ самыхъ изысканныхъ, то говорилъ такія слова, что надобно было закрывать уши, чтобъ не слышать ихъ ; то съ благоговѣніемъ касался руками глазъ и бороды, дѣлая знакъ религіознаго омовенія, то богохульствовалъ ; не ѣлъ мяса, приготовленнаго рукою немусульманина, и пилъ ромъ на пропалую ; отъ души дарилъ все, что попадалось ему подъ руки, гостю, а между тѣмъ сплою вымогалъ подарки отъ другаго. Въ былое время онъ славился лххимъ барантовщикомъ, но въ то время, какъ мы его видѣли, онъ былъ старъ и слабъ, какъ кажется отъ излишняго употребленія запрещеннаго напитка. Съ грустью глядѣлъ онъ на отправлявшуюся при насъ баранту, и потомъ, махнувъ рукой, ушелъ въ кибитку, чтобы не видѣть, какъ гарцовала молодежь ; такъ выбитый пулей изъ рядовъ солдатъ смотритъ, какъ несутся мимо его на битву, на славу ратные товарищи.

Послѣ радушнаго пріема, султанъ, желая выказать въ высшей степени свое къ намъ расположеніе и довѣренность, пригласилъ насъ посѣтить кибитки своихъ женъ : изъ гостей одинъ только переводчикъ послѣдовалъ за нами въ таинственное жилище, и то уже было нарушеніе закона и обычаевъ магомметанъ, изрѣдка допускаемое Киргизами для Русскихъ.

Въ степи каждая замужняя женщина имѣетъ свою особенную кибитку, большею частию приносимую съ собою въ приданое. Но пояснимъ хотя нѣсколько слово кибитка, такъ часто встрѣчаемое въ нашей книгѣ : это куполообразный, войлочный шатеръ, съ войлочнымъ запономъ вмѣсто двери, съ отверстіемъ вверху, замѣняющимъ окно и трубу. Основаніемъ кибитки служитъ круглая, деревянная рѣшетка, а куполь поддерживаютъ жерди, прикрѣпленные петлями снизу къ рѣшеткѣ, сверху къ правильному кругу. Избавляемъ читателей отъ киргизскихъ названій всѣхъ

принадлежностей кибитки. Снаружи кошмы или войлоки обтягиваются веревками и тесьмами, которые проходят внутрь и закрѣпляются близъ дверей. Все это на случай похода снимается въ пять минутъ; рѣшетка плотно сжимается, жерди собираются въ пучокъ, то и другое обвивается кошмами, и въ двѣ минуты кибитка уложена, навьючена на верблюда и отправлена; еще пять минутъ — и она вновь разставлена.

Кибитка старшей султанши, которую мы прежде посѣтили, была убрана богато. Рѣшетка внутри застилалась тонкимъ войлокомъ, испещреннымъ тесьмами и азіатскимъ рококо, а полъ коврами; съ правой стороны стоялъ рядъ раскрашенныхъ казанскихъ сундуковъ, надъ которыми возвышался другой; турсукъ, или большой кожаный мѣшокъ съ кумысомъ занималъ почетное мѣсто и отличался роскошью отдѣлки; далѣе нѣсколько тюфяковъ и другихъ постелей и сѣдалищъ были расположены вдоль рѣшетки

и покрыты богатыми одѣялами и коврами ; одна постель была застлана краснымъ сукномъ, окаймленнымъ мишурной бахромой: она предназначалась для насъ. На этотъ разъ кибитка была очищена отъ всѣхъ душистыхъ предметовъ киргизской гастрономіи, и все показывало нѣкоторый порядокъ и приготовленіе къ принятію Русскихъ.

Султанша встала, когда мы взошли, и привѣтствовала насъ въ самыхъ изысканныхъ выраженіяхъ, на которыя мы едва успѣвали отвѣчать. Наконецъ мы успѣли, поджавъ подъ себя ноги, и разговоръ завязался ; онъ струей лился изъ устъ султанши, считавшейся умнѣйшею и краснорѣчивѣйшею женщиной въ Степи , и не даромъ : она одна властвовала надъ своимъ мужемъ самоуправно, и была въ состояніи смирять его неукротимый характеръ и поддерживать вліяніе на народъ. Въ разговорѣ съ нами она искусно умѣла блеснуть своимъ умомъ и знаніемъ свѣта кочеваго. Надобно замѣтить, что

въ народѣ киргизскомъ даромъ слова оцѣнивается даръ ума, а побѣдителемъ въ краснорѣчіи всегда признается тотъ, кто сказалъ послѣднее слово, т. е. кто довелъ своего антагониста до того, что тотъ не въ состояніи ни противорѣчить, ни отвѣчать и долженъ умолкнуть. Правда, эта система разговора заставляетъ иногда говорить самую несвязную дичь, чтобы только молчаніемъ своимъ не подать повода къ невыгодному о себѣ мнѣнію; но наша хозяйка выдержала испытаніе съ честію, и мы доставили ей полную побѣду надъ собой, къ общему торжеству присутствовавшихъ при этомъ Киргизовъ.

Если старшая султанша отличалась умомъ и краснорѣчіемъ, то младшая, которую мы потомъ посѣтили, заслуживала по всей справедливости пальму красоты. Удивительная бѣлизна лица и нѣжныя, голубоватыя жилки, сквозившіяся мѣстами сквозь тонкую кожу, придавали ей лицу видъ страданія или душевной

истомы. Черные, огненные глаза тлѣли нѣгою неудовлетвореннаго сладострастія; розовыя губки жаждали поцѣлуя, и слегка выдавшіяся скулы, слѣды калмыцкаго происхожденія, были роскошно закруглены. Самый киргизскій нарядъ не могъ исказать ея красоты, и высокій, конусообразный головной уборъ, бѣлый, какъ снѣгъ, ярко выказывалъ пряди ея волосъ, черныхъ и лоснящихся, какъ вороново крыло; широкая одежда, состоявшая изъ бархата и парчи, обремененная металлическими бляхами, кольцами и талисманами, и полное, кованое кольцо вокругъ шеи, видимо тяготили ее, скрывали ея легкій станъ и сжимали лебяжью шею; а изъ подъ одежды искусно выставлялась ножка, совершенство красоты, — ножка, какихъ нѣтъ въ Европѣ. Недолго, однако, любовались мы красотой застѣнчивой султанши: ревность Кошъ-Магомета заставила насъ покинуть жилище грустной обитательницы ранѣе, чѣмъ мы желали.

Мало-по-малу собирался къ намъ отдѣльныя толпы Киргизовъ, караванныхъ вощиковъ, съ навьюченными верблюдами ; наконецъ , оставивъ гостепріимный кровъ султана, мы вскорѣ увидѣли вдали обширный таборъ : это была часть каравана, вышедшая изъ Семипалатинска черезъ нѣсколько дней послѣ насъ, съ караванъ-башемъ Мирза-Баемъ, и уже ожидавшая нашего прихода ; тутъ же были базарчи, Киргизы, ходившіе въ Семипалатинскъ для мѣны и возвращавшіеся съ хлѣбомъ въ свои аулы; все смѣшалось въ одну общую, нестройную массу ; начались споры и совѣщанія относительно направленія пути ; наконецъ условились, какъ хотѣлось караванъ-башу : соединились въ одинъ огромный караванъ и двинулись впередъ, придерживаясь китайской пограничной линіи.

По соединеніи своемъ въ одно, весь караванъ состоялъ изъ 1500 купеческихъ верблюдовъ и 1000 принадлежавшихъ базарчіямъ, изъ которыхъ большая часть

должна была впоследствии отдѣлаться отъ насъ.

Какая безконечная пустыня ! Горе страннику безъ путеводаителя : ни холма, по которому бы онъ замѣтилъ направленіе пути, ни ручья, гдѣ бы утолить жажду, ни пріюта отъ бури, ни защиты отъ звѣря. Одинъ Киргизъ усвоилъ себѣ это безбрежное пространство степи ; здѣсь онъ дома , хотя бы переходилъ отъ устья Эмбы до вершины Аяузы, отъ береговъ Каспійскихъ на Иртышъ ; все служить ему указателемъ пути : звѣзда, направленіе вѣтра , наклоненіе травы ; каждая мулла (мазарка, киргизская могила) ему знакома. Пищей для него служатъ въ случаѣ нужды коренья, кусокъ кожи, лоскутъ его сальной одежды ; воду Киргизъ находитъ въ извѣстныхъ ему мѣстахъ, углубившись не болѣе какъ на пол-аршина отъ поверхности , а нѣтъ, онъ обойдется и безъ нея ; ни одно животное не въ состояніи перенести того, что можетъ перенести Киргизъ ; окрѣп-

шій привычкою непрерывной нужды, онъ подавилъ въ себѣ всѣ страсти, онъ довелъ свои чувства до того огрубѣлаго состоянія, которое равняетъ его съ животнымъ въ нравственномъ отношеніи, между тѣмъ какъ въ отношеніи физическомъ и по дару инстинкта, онъ превосходитъ большую часть животныхъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло чаще чѣмъ съ людьми.

Какое грустное однообразіе : сегодня какъ завтра, завтра какъ вчера. Далеко до разсвѣта пробуждаетъ васъ ревъ верблюдовъ, изрѣдка прерываемый словами «чокъ, чокъ» или дребезжащимъ голосомъ караванъ-баши. Скорость выюченья верблюдовъ, разставленія джулумы, да еще кипяченіе чайника составляетъ славу и гордость караванныхъ людей ; въ часъ все готово : джулумы сняты и навьюченные верблюды отправлены; огоньки, дотолѣ прикрытые джулумами, вырвавшись на свободу, вспыхиваютъ ярко и переигрываютъ со звѣздами своимъ

блескомъ ; темнота ночи дѣлается еще чернѣе. Наконецъ пускаются и вершники въ догонку за своими верблюдами ; оглянитесь назадъ : еще мерцаютъ огоньки , но какъ все глухо и пусто тамъ , гдѣ , за нѣсколько минутъ до того , кипѣла цѣлая движущаяся община , съ ея желаніями , ея страстями , ея пороками , — да , пуще всего съ пороками ; остается только одна джулума ; уже сняты и съ нее кошмы , и сквозь рѣшетчатую ея основу васъ поражаетъ что-то вамъ знакомое , но совершенно чуждое этой дикой , кочевой жизни ; тутъ два запоздалые путника , счастливые своимъ уединеніемъ , увлеченные потокомъ разговора въ края другіе , далекіе , края ихъ былыхъ радостей , забыли пору и мѣсто. Нарядъ ихъ азіатскій , но черты лица , и эти неписанные листы бумаги обокъ съ ними , и эта рѣчь.... все чуждо кочевому быту и пустынной природѣ. Уже снято и основаніе джулумы , а имъ такъ грустно разстаться со своимъ

привѣтнымъ огонькомъ, со своими родными мыслями. Но вотъ, на коня! и пошелъ онъ на шумный гулъ каравана.

Разсвѣтъ. — Верблюды тянутся тихимъ, мѣрнымъ шагомъ, на пространства нѣсколькихъ верстъ, между тѣмъ какъ вершники, то обгоняютъ ихъ крупной конской ступью, то ѣдутъ впереди и потомъ, своротивъ въ сторону, останавливаются на отдыхъ, пока не пройдетъ хвостъ каравана. Такихъ приваловъ мы дѣлали два и три въ день, и въ то время, какъ не разсѣданные лошади щипали скудную траву, мы, раскинувшись на пушистомъ снѣжку, а гдѣ его не было—на голой землѣ, спали крѣпко, особенно около полудня, когда пригрѣвало солнце.

Проѣзжая мимо шти каравана, я любилъ прислушиваться къ пѣснямъ, которыя тихо и на унылый ладъ лились отовсюду; правда, большая часть изъ нихъ заключала предметы слишкомъ матеріальные: Киргизъ почти всегда импрови-

зируетъ свои пѣсни: онъ поетъ, что вспадетъ ему на глаза или на мысль, а какъ предметъ его нѣжнѣйшихъ помысловъ и взглядовъ верблюдъ, лошадь, бараны, то Киргизъ преимущественно и населяетъ ими свой міръ фантазіи; не рѣдко однако воспѣваетъ онъ и любовь батырей, ихъ дѣла, напоминающія нѣсколько европейскихъ героевъ рыцарскихъ временъ, и въ безпорядкѣ низетъ чудовищные образы своего воображенія и предметы повседневной жизни на причудливую нить своей пѣсни, которая тянется иногда по нѣсколько часовъ сряду и обрывается, большею частию неконченная. Сравненіе, любимый образъ выраженія Киргизовъ, какъ и всѣхъ народовъ нравственно младенчествующихъ, для которыхъ одно простое изложеніе предмета темно. Въ пѣсняхъ ихъ звучитъ часто рима. Размѣръ принаровленъ къ ихъ напѣву.

Я помню твердо одну пѣсню, которую импровизировалъ Киргизъ, приближаясь

къ своимъ ауламъ, и передамъ ее какъ
умѣю. Сжатость татарскаго языка тре-
буетъ шестистопнаго стиха въ русскомъ
переводѣ, а хорей наиболѣе приличе-
ствуетъ размѣру подлинника.

Караванъ поднялся изъ подъ Аир-
руки ;

Конь мой бѣлый ржетъ и не дается
въ руки.

Солнце выслало зарю и вслѣдъ само
идеть

Встрѣчу мѣсяцу, а мѣсяцъ скучился,
не ждетъ.

Конь мой мечется, почуявъ дымъ (*)
аульный ,

И на дымъ понесся быстро мой раз-
гульный ;

Сердце чужало родной, аульный кровъ
давно ,

(*) Я замѣнилъ этимъ словомъ другое, очень не
поэтическое въ подлинникѣ.

И вздрогнуло, но затихло бѣдное оно;
Конь мой, конь! не мчись, тебя никто
не встрѣтитъ!

Сердце вѣщее мое тебѣ отвѣтитъ :
Кто насъ ждалъ, — теперь не ждетъ!
Она ушла, и не придетъ !....

Часа въ три по-полудни, иногда позже, или нѣсколько ранѣе, смотря по близости корма и воды для верблюдовъ, караванъ останавливается : тѣ же заботы о верблюдѣ, этомъ добродѣтельнѣйшемъ изъ всѣхъ животныхъ.

Разъ, какъ-то, при вступленіи въ горы Анджинъ — Арханъ, на ночлегѣ, раздался въ караванъ голосъ караванъ-баши, предостерегавшій правовѣрныхъ, чтобъ были осторожниѣе и бдительнѣе, потому что разъѣзды видѣли вдали огни, разложенные конечно барантовщиками. За всѣмъ тѣмъ караванъ, выступившій по обыкновенію ночью, принужденъ былъ вскорѣ раздробиться, проходя ущельями и закраинами горъ. Вожаки скакали въ

разныхъ направлєніяхъ , отдѣлившіяся толпы перекликались, раздѣленные верблюды и лошади ревѣли и ржали ; но голосъ караванъ-баши покрывалъ все. — Мы, то спускались, то подымались на горы, или проходили опушкой небольшого перелѣска. Въ темнотѣ ночи все было ново и занимательно для насъ, и вдругъ, какъ бы для оживленія этой дикой картины, раздался въ головѣ каравана страшный гикъ , по которому бѣдные купцы тотчасъ узнали баранту ; нѣсколько смѣльчаковъ кинулись было впередъ, но нигдѣ не видно было нападающихъ ; общій шумъ и смятеніе увеличились; раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ, пущенныхъ на удачу, и вскорѣ все смолкло. Скупили верблюдовъ : въ самомъ хвостѣ каравана не оказалось десятка верблюдовъ съ ихъ выюками. «Дѣло Аманъ-Ахмета», сказалъ одинъ Киргизъ - вожатый , — «и вѣрно былъ не больше какъ съ двумя, тремя человекѣ-ками. Батырь, что и говорить!»

Но развертываясь мало-по-малу, вскорѣ опять раскинулась передъ нами степь въ прежнемъ безконечномъ единообразіи; даль струилась, переливаясь отблескомъ солнца, и не рѣдко услаждала утомленный взоръ и воображеніе чудесами миража: такъ надежда рисуетъ иногда волшебныя замки предъ взорами бѣднаго затворника и онъ готовъ ей вѣрить, хотя въ душѣ своей убѣжденъ, что это обманъ, нравственный миражъ. — Природа приняла свой обычный видъ.

Спустившись въ долину, мы стали встрѣчать отдѣльные табуны лошадей, овецъ и верблюдовъ; вскорѣ увидѣли скачущихъ отовсюду Киргизовъ; ихъ гиканье, дикій видъ и это разнородное вооруженіе не могли не поразить насъ съ перваго взгляда; весь караванный людъ скупился, какъ стая голубей, сполохнутыхъ налетомъ ястреба. Но по необходимости встрѣтились лицомъ къ лицу Киргизы и караванные купцы, и мирныя

привѣтствія и льстивыя слова посыпались отовсюду ; крѣпко пожимали они другъ другу руки и жались сердцемъ къ сердцу ; вы подумали бы, что тѣ и другіе были самыми искренними друзьями; но эта дружба основывалась на корыстолюбіи однихъ, на слабости и робости другихъ ; первые измѣряли взорами силы противниковъ и съ алчною завистью старались проникнуть взоромъ внутрь выюковъ, чтобы оцѣнить ихъ богатства; вторые глядѣли съ отвращеніемъ на эту ватагу разбойниковъ, отъ которыхъ придется откупаться, не смотря на то, что число людей при караванѣ, не считая Киргизовъ-вощиковъ, на помощь которыхъ караванъ также могъ надѣяться въ случаѣ нужды, простиралось на этотъ разъ до 400 человекъ, очень хорошо вооруженныхъ ; одинъ угрожающій видъ ихъ разметалъ бы эту сволочь, кое-какъ вооруженную копьями, изрѣдка луками и очень рѣдко ружьями, и то большею частью съ фитилями вмѣсто замковъ, но и на

одну угрозу очень рѣдко достаетъ смѣлости у Татаръ и Ташкентцевъ, которые неоспоримо самый робкій народъ въ мірѣ, кромѣ развѣ бухарскихъ таджиковъ и жидовъ.

Вскорѣ явился самъ султанъ, Акманъ, и, послѣ нѣкоторыхъ объясненій съ караванъ-башемъ, согласился принять караванъ подъ свое покровительство во время перехода черезъ его родъ. Это значило, что онъ одинъ будетъ въ это время воровать въ караванѣ, и то безъ насилія, а ужъ чужимъ не дастъ его въ обиду. Караванъ-баши и тому былъ радъ.

Дорога отъ южныхъ границъ Западной Сибири (отъ Бухтармы, Семипалатинска) къ городамъ, принадлежащимъ нынче Китайской Имперіи и расположеннымъ на западной ея границѣ (Кульжѣ, Чугучаку), издревле составляла торговую дорогу и нѣкогда кипѣла дѣятельностію. Эту черту можно бы продлить на сѣверъ, по юго-восточнымъ отклонамъ Алтая, и гораздо далѣе на югъ, въ Индію. Многія

свидѣтельства древнихъ, многіе остатки памятниковъ, находямые на поверхности земли и въ землѣ, различныя преданія, подтверждаютъ наше предположеніе, и ученый Риттеръ, если не вполне изслѣдовалъ, то вполне постигъ этотъ историческій фактъ.

Не смотря на отличіе этаго края отъ прочихъ частей Киргизъ-Казачьей Степи, на его сравнительную роскошь, нельзя не примѣтить здѣсь общей черты азіатскихъ степей : это какое-то разслабленіе, одряхленіе природы. — Повсюду изсохшія ложбины бывшихъ рѣкъ, повсюду разрушеніе горъ, наконецъ, повсемѣстное присутствіе окаменѣлыхъ раковинъ и другихъ принадлежностей моря, свидѣтельствуютъ о какомъ-то переворотѣ, чрезвычайномъ и уже послѣ-потопномъ.

Горы начались еще далеко до рѣки Аяузы куда караванъ прибылъ черезъ двѣ недѣли послѣ выхода своего изъ Семипалатинска.

Отъ Семипалатинска до Чугучака не

болѣе 400 верстъ, и можно бы было перевозить товары въ маленькихъ повозкахъ. До Кульжи, прямымъ путемъ, можно считать 820, и менѣе 100 верстъ кругу, который дѣлаютъ караваны, заходящіе въ Чугучакъ ; но главное затрудненіе представляютъ въ послѣднемъ случаѣ китайскіе чиновники, которые уже отъ самаго Чугучака берутъ караванъ подъ свое покровительство, какъ выражаются они.

Послѣ многихъ толковъ въ караванѣ, рѣшились идти въ Кульжу и подняться прямо на хребетъ Тарбагатайскій.

Есть нѣсколько всходовъ на высоты Тарбагатая. Безносовыхъ поднимался у Алетъ-аму и былъ очень недоволенъ путемъ. Большею частию переходятъ хребетъ близъ Хабаръ-аму, по сѣверному отклону Тарбагатайскаго кряжа, гдѣ дорога нѣсколько положе. Тутъ и мы перешли его. — Караванъ нашъ много страдалъ въ горахъ ; бѣдныя лошади, со выюками въ 6 пудъ и болѣе, едва могли всходить на гряды утесовъ и сколь-

зили по нимъ, обрывая копыта, или проходили по узкимъ ущельямъ, цѣпляясь за выдавшіеся камни и за кустарникъ, которымъ усѣянъ путь. Хуже всего было переходить вершины рѣки Базаръ, которая отсюда течетъ въ Норъ-Зайсанъ; но мы нашли для себя потѣху въ этомъ медленномъ и трудномъ переходѣ: это охота, для которой изобиліе дичи, особенно дикихъ козъ, представляло богатое и пеначатое поприще. — На другой день караванъ вступилъ въ область сиѣга.

Обошедши берегомъ озеро Ала-куль, которое имѣетъ до 100 верстъ въ длину (по показаніямъ другихъ 80 и 120) и покрыто многими островами, черезъ нѣсколько дней послѣ, караванъ примѣтилъ сѣрѣющее вдали четырехъ - угольное зданіе. Это былъ китайскій форпостъ, котораго названія не припомню, съ 30 человекъ гарнизона, принадлежавшій той военной линіи, которая идетъ изъ Чугучака въ Кульжу и называется « новою военною дорогою. »

Тутъ Китайскіе офицеры осмотрѣли и пересчитали людей, лошадей, тюки, барановъ, словомъ все, принадлежащее каравану, и конвоируя его отъ форпоста къ форпосту, передавали одни другимъ все это не иначе, какъ счетомъ и съ роспиской.

Такъ достигнулъ наконецъ караванъ до Кульжи, послѣ сорока-дневнаго перехода отъ Семипалатинска.

Я не говорилъ о тѣхъ лишеніяхъ, о множествѣ непріятностей, чтобы не сказать болѣе, которыя представляются на этомъ пути; не говорилъ о частыхъ поборахъ, производимыхъ, въ видѣ подарковъ, султанами и беями тѣхъ родовъ, мимо которыхъ караванъ проходитъ; на все это долженъ расчитывать купецъ, и ко всему быть готовымъ добровольный путешественникъ; и потому, мы нисколько не удивляемся, находя въ путевомъ журналѣ одного изъ нихъ слѣдующую отмѣтку, помѣщенную, какъ кажется, между цѣнами бязей и наблюденіемъ по-

годы, какъ обстоятельство весьма обыкновенное :

20 числа : « Я отлучился въ юрту, чтобы напиться молока , за что китайскій приставъ ударилъ меня два раза нагайкой очень больно. »

25 числа : « Китайскій чиновникъ пріѣхалъ въ караванъ и билъ кого попало, и проч. » Впрочемъ, не должно осуждать Китайцевъ въ жестокомъ обращеніи съ посторонними. Замѣтимъ, что Китайцы не могли, по крайней мѣрѣ не должны были подозрѣвать подъ азіатскою одеждою Европейца, а съ Азіатцами какъ же поступать, какъ не по азіатски ?

Караванъ нашъ принаровился такъ, что подошелъ къ городу въ самую глубокую ночь , и пользуясь темнотой, успѣлъ скрыть, гдѣ можно, лучшіе свои товары, для тайной отъ правительства мѣны, не смотря на то, что всѣ они были или могли быть извѣстны по показаніямъ офицеровъ , сопровождавшихъ ка-

раваны. Большая часть зарыла свои сокровища въ землю, въ свой кибиткѣ; отъ этой обыкновенной уловки отвращаютъ глаза китайскихъ таможенныхъ чиновниковъ, посредствомъ подарковъ. — На другой день стали принимать товары въ пакгаузъ; тутъ пошли хитрости, уловки, обманы съ обѣихъ сторонъ, — принимающей товары и сдающей; потомъ началась оцѣнка со стороны правительства, которое одно имѣетъ право торговать здѣсь съ караваномъ. — Семь чиновниковъ были назначены для этой оцѣнки. Пошли торги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и безпрестанные поборы съ каравана для подарковъ. Одному Джанджуну, или главному начальнику Кульжи и прилежащаго къ нему округа, къ которому принадлежитъ и Чугучакъ, одному, говорю, Джанджуну подарено 20 лошадей; а для прочихъ лицъ собрано слишкомъ 50. Все это ведется выбранными отъ каравана тремя, четырьмя депутатами.

Передъ расторжкой первоначально у-

становивается цѣна бязей, бумажной ткани, которая составляетъ здѣсь ходячую монету, тоже что кирпичный чай въ Кяхтѣ, или морскія раковины между нѣкоторыми дикими народами Африки. Караванные депутаты просили за половинку сукна 70 бязей, за бунтъ кожъ 30 бязей, за жестяной судокъ $77\frac{1}{2}$ бязей, и такъ далѣе: цѣна дѣйствительно чрезвычайно высокая; китайскіе чиновники угрожали палками, но все окончилось уступками съ обѣихъ сторонъ и миромъ, какъ всегда, и продажа совершена далеко не въ убытокъ купцамъ, хотя они старались увѣрить всякаго посторонняго въ противномъ.

Китайцы, какъ мы замѣтили, платятъ бязами, которыя получаютъ въ подать отъ разныхъ, прилегающихъ къ Кульжѣ, провинцій; если бязей бываетъ недостаточно въ сборѣ, то они даютъ вексель караваннымъ купцамъ на недостающее количество, и потомъ выплачиваютъ его съ большою точностію.

Азіатець, будь онъ браминъ, или мусульманинъ, или послѣдователь закона Конфуціева, прежде всего Азіатець ; чиновникъ всегда и вездѣ чиновникъ ; Джанджунъ былъ чиновникъ и Азіатець. Къ нему-то привели *подозрительныхъ караванныхъ людей*, и случилось такъ, что въ то время онъ только изволилъ откушать и совершалъ свой послѣ-обѣденный кейфъ, занятіе чрезвычайно важное въ Азіи. Можетъ быть это время улучено и съ намѣреніемъ ; какъ бы то ни было , только Джанджунъ медленно приподнялъ голову, и глядя на вошедшихъ полураскрытыми глазами, произнесъ едва внятно : и тигръ, насытившійся, пропускаетъ мимо себя добычу, не трогая ее , онъ едва защищается самъ отъ нападающихъ на него ; змѣя послѣ обѣда не движима, — а я человекъ. Идите вонъ ! — *Подозрительные люди* ушли и больше не видали Джанджуна.

Городъ Кульжа , или какъ Киргизы

называютъ Куря (крѣпость), обнесенъ двойнымъ рядомъ стѣнъ; по угламъ передней изъ нихъ находятся сторожевыя башенки; подъ ними ворота для проѣзда: каждый фасъ стѣны имѣетъ до 550 сажень длины; а вышина стѣнъ около 4 с.; онѣ сложены изъ необожженного кирпича и во многихъ мѣстахъ повреждены отъ времени и нерадѣнія китайскаго военнаго начальника, толстаго и лѣниваго, но вообще добраго и довольно безкорыстнаго Манжура. Крѣпость воздвигнута по системѣ прежняго укрѣпленія городовъ въ Европѣ, которую ввели въ Китай іезуиты, или правильнѣе, присоединили ее къ существовавшей тамъ издревле системѣ укрѣпленій.

Въ Кульжѣ болѣе 3000 домовъ; слѣдовательно число жителей можно положить до 30,000. Между зданіями отличаются мечети магомметанъ и великолѣпныя кумирни Китайцевъ. Есть еще нѣсколько строеній, довольно роскошныхъ, въ китайскомъ вкусѣ; но вообще дома

стѣснены , улицы нечисты , площади, хотя не обширны, но кипятъ дѣятельностію. Въ толпѣ народа отличаются солдаты, если можно такъ назвать людей, составляющихъ здѣшній гарнизонъ, съ ихъ луками и колчанами, и полевое войско, которое здѣсь собиралось для похода. Гарнизонъ простирается до 5000 человекъ, большею частию Манжуръ; кромѣ того, военно-начальникъ можетъ поставить на военную ногу, въ короткое время, до 30,000 Монголовъ разныхъ поколѣній и Кара-Киргизовъ. Нравственная сила этаго войска всѣмъ извѣстна. Въ наше время городъ и окрестности его кипѣли войскомъ, и вотъ по какому случаю: въ книгѣ судебъ сына неба было опредѣлено наказать одно изъ возмущившихся владѣній его, именно Коканъ, который впрочемъ вовсе не признавалъ его власти, и онъ послалъ въ Кульжу генерала Юнгъ-Ишеня, носившаго какое-то громкое прозваніе, едвали не «тигровое сердце», съ тѣмъ, чтобы онъ со-

бралъ многочисленное войско въ западныхъ провинціяхъ и разразился карою надъ Коканомъ и Ташкентомъ. Время шло, а Юнгъ-Ишень сидѣлъ въ Кульжѣ и чего-то выжидалъ; думалъ ли онъ, что Коканцы пришлютъ просить мира, и такимъ образомъ онъ отдѣляется отъ похода, во всякомъ случаѣ непріятнаго для него и для сподвижниковъ его, или ожидалъ новыхъ войскъ, — не знаю; только уже наступало холодное время года, когда Юнгъ-Ишень, видя, что медлить долѣе невозможно, и что волею или неволею, а надобно исполнить возложенное на него порученіе, рѣшившись выступить въ походъ, и для того назначилъ предварительный смотръ войску : мы были свидѣтелями смотра этаго войска и его фантастическихъ маневровъ.

Дня за два до назначеннаго срока, поднялась страшная суматоха въ лагерѣ, расположенномъ въ безпорядкѣ въ окрестностяхъ Кульжи. Многіе изъ конныхъ

солдаты не имѣли лошадей, изъ пѣшихъ — ни какого оружія; и вотъ пустились, кто покупать, кто занимать, гдѣ могъ, лошадь и вопишіе доспѣхи на день смотра; но такъ какъ Илійская провинція не представляетъ большого населенія, то многіе конные должны были явиться пѣшкомъ, а пѣшіе съ голыми руками, вмѣсто всякаго вооруженія. Впрочемъ, главнѣйшее условіе, числительная сила войска, на этотъ разъ вполне могла удовлетворить ожиданія Юнгъ-Ишеня, потому что собранное войско простиралось до 40 тысячъ человѣкъ. — Все это двинулось на обширную равнину по сию сторону Или, какъ могло и когда успѣло; за солдатами тянулись ихъ жены, разносчики всякаго рода, цѣлыя походныя харчевни, и площадь скорѣе представляла видъ ярмарки, чѣмъ мѣсто военныхъ маневровъ. На разсвѣтѣ тронулась длинная процессія съ паланкиномъ: въ немъ заключалась особа Юнгъ-Ишеня. Мы видѣли его прежде: это малень-

кій, тощій Манжуръ, вовсе неоправдывающій, покрайней мѣрѣ съ вида, того грознаго прозванія, которое носилъ; его скорѣе можно было назвать сердцемъ овцы, нежели сердцемъ тигра. Онъ утопалъ въ безпредѣльных сапогахъ, въ которыхъ вмѣщались не только концы его широкихъ шароваръ, но цѣлый походный магазинъ; отсюда вытаскивалъ онъ трубку, табакъ, опиумъ, платокъ, и казалось, онъ могъ достать изъ своихъ волшебныхъ сапоговъ продовольствіе на цѣлую армію. Свѣтло-голубой камень на головѣ означалъ въ немъ 3-й классъ, а перо, прикрѣпленное аграфомъ зеленой яшмы — особенный знакъ отличія; по обѣ стороны пера висѣло по хвосту, что означало наступившее военное время. — Не стану вамъ излагать здѣсь постановленія о китайскомъ чиновначалѣ и степеняхъ его; вы найдете это въ любой книгѣ о Китаѣ. Сверхъ того въ послѣднее время такъ часто объ этомъ писали, что вамъ раздѣленіе на классы китайскихъ

чиновниковъ, военныхъ и гражданскихъ, также хорошо извѣстно, какъ и нашихъ, и вы тотчасъ по цвѣту шарика, который носить Китаецъ, узнаете, Надворный ли онъ Совѣтникъ, или только Титулярный; скажу только, что гражданскіе чины въ Китаѣ стоятъ выше военныхъ.

Юнгъ-Ишень помѣстился за пригоркомъ, въ такомъ именно мѣстѣ, откуда онъ ровно ничего не могъ видѣть; храбрый генералъ жался въ своемъ широкомъ, богато вышитомъ платьѣ, подобно Тому, Шекспира, въ «Лирѣ», и если не вслухъ, то конечно мысленно повторялъ «Юнгъ-Ишеню холодно.»

Сколько я могъ понять, военные эволюціи должны были состоять въ томъ, что, по данному знаку, пѣхота должна двинуться отъ пригорка по прямому направленію, а два отряда конницы, расположенные справа и слѣва, должны были проскакать параллельно одинъ другому, правый передъ пѣхотой, а лѣвый назади

ея; и вотъ поданъ условный знакъ. Но, несмотря на близость разстояній, на очень медленное движеніе конницы, она неумѣла расчестъ времени и наткнулась прямо на пѣхоту съ обѣихъ сторонъ и въ одно время: можете вообразить кутерьму, которую представило это столкновѣніе двухъ конныхъ и одного пѣшаго отряда между собою! Поднялся крикъ; нные рады были выбраться изъ этой общей давки, бросили оружіе и бѣжали, какъ съ поля битвы. Другіе попали подъ лошадей и были смяты. Всякая команда была забыта, и въ-силу, въ-силу могли развести эту толпу въ разныя стороны и тѣмъ кончить маневры. — Незнаю, былъ ли доволенъ ими Юнгъ-Ишень? думаю, что нѣтъ, потому что ему было очень холодно.

Извѣстно чѣмъ кончилась эта экспедиція на Коканъ. — Китайскій отрядъ сжегъ нѣсколько кочевьевъ, прилегавшихъ къ Коканскимъ владѣніямъ, взялъ нѣсколько человѣкъ челяди въ плѣнъ, и гордый

своими трофеями, вернулся домой. Впрочемъ не всѣ китайскіе генералы дѣйствовали такъ неудачно, какъ Юнгъ-Ишень; Китайцы не разъ были Коканцевъ.

Мы были въ Кульжѣ, какъ я уже сказалъ, съ купеческимъ караваномъ, а потому я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній о торговлѣ этого края *).

Въ торговлѣ и въ частномъ оборотѣ почти невидна золота; серебра довольно; оно обыкновенно обращается въ ямбахъ, или въ большихъ слиткахъ, 94-й пробы, отъ 4 фунт. 53 золот. до 1 фунт. 55 золот. вѣса каждый, которые вообще содержатъ въ себѣ часть золота. Относительная цѣнность золота къ серебру здѣсь какъ 1: 10 иногда: 11, что составляетъ чрезвычайную разность съ нашимъ европейскимъ курсомъ. Вывозъ обоихъ

*) Подробное описаніе торговли и естественной производительности за-Илійскаго края я помѣстилъ нѣкогда въ одномъ изъ нашихъ официальныхъ журналовъ.

металловъ совершенно свободенъ. Есть мѣдная монета, но она дороже своей настоящей стоимости.

Говоря вообще о торговлѣ, я замѣтилъ, что она находится въ рукахъ правительства, которое, по собственной оцѣнкѣ, беретъ отъ каравановъ товары и потомъ передаетъ ихъ своимъ купцамъ. Это общее мнѣніе всѣхъ посѣщающихъ Чугучакъ и Кульжу; вникая ближе въ настоящій предметъ и особенно соображая поведеніе Джанджуна и оцѣнщиковъ караванныхъ товаровъ, кажется, можно безошибочно заключить, что торговля находится въ рукахъ не правительства, но пограничнаго военнаго сословія, которое пользуется здѣсь исключительно, въ этомъ случаѣ, монополіей и мѣняетъ получаемыя имъ, вмѣсто жалованья, бязи и другія китайскія произведенія на привозимые товары; если же мѣстное начальство выставляетъ передъ продавцами свое правительство, какъ главнаго дѣйствующаго, то только

♦

для того, чтобы свободнѣе и самостоятельнѣй поступать самому. Въ Аксу, въ Кашкарѣ и въ другихъ городахъ, какъ увидимъ, торговля совершенно свободна и правительство заботится только о пошлинномъ сборѣ.

Въ Кульжѣ нѣтъ богатаго купечества; за то находятся повѣренныя въ торговыхъ дѣлахъ со всѣхъ странъ, и можно, по заказу, получать въ этомъ городѣ самыя дорогіе товары Индіи, шали и разныя произведенія отдаленныхъ провинцій Китая, западныхъ ханствъ Средней Азіи и наконецъ фабричныя издѣлія Европы.

Такимъ образомъ, не смотря на монополию привилегированнаго общества, Кульжа можетъ современемъ сдѣлаться однимъ изъ обширныхъ рынковъ Азіи, особенно при затруднительныхъ обстоятельствахъ торговли въ ея приморскихъ городахъ. Перевозъ товаровъ съ нашей пограничной линіи, съ Бухтармы, Семипалатинска, до города Кульжи, обойдет-

ся, считая плату провожатымъ, султанамъ, покровительствующимъ на пути караванъ, подарки, или базарлыкъ, тѣмъ изъ нихъ, которые встрѣчаются въ степи, подарки различнымъ китайскимъ властямъ, баранту и проч., — считая все это, обойдется не болѣе 5 или 6 рублей съ выючной лошади, т. е. около одного рубля ассигн. съ пуда, что можетъ еще уменьшиться при обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ въ Киргизской Стени, хотя и нынче восточный край Степи, заключенный между Иртышемъ и западною китайскою границей, благодаря попеченіямъ нашего правительства, довольно безопасенъ для торговли.

Оставляя Кульжу, Хой-Юанъ-Ченъ Китайскихъ географовъ, нельзя не побывать въ здѣшнихъ театрахъ, какъ ни пошлы ихъ зрѣлища, и въ игорныхъ домахъ, какъ ни отвратительны сцены, представляемыя ими; игра всѣхъ родовъ здѣсь въ полномъ разгарѣ, страсти ки-

пять; отчаяніе, или нѣмое или раздирающее душу, поражаетъ васъ. Твердо врѣзалась мнѣ въ памяти сцена, которой я былъ однажды свидѣтелемъ. Манжуръ игралъ въ кости и проигрывалъ. У него не было уже ни денегъ, ни вещей: лукъ, стрѣлы, все было проиграно. Онъ поставилъ платье, до рубахи включительно, и проигралъ.

«Играй еще!» закричалъ онъ своему антагонисту, когда тотъ кончилъ.

— Тебѣ нечего больше проигрывать. —

«У меня есть жизнь и свобода: играй на жизнь мою: выиграешь, и я твой вѣчный рабъ.»

— Знаю я тебя: убьешь себя или меня, вотъ-те и выиграешь. —

«Убую себя, такъ старшій сынъ замѣнитъ меня. А тебя неубую; потому что у меня остается семья, и я нехочу навлечь на нее месть твоей семьи и кару властей.»

Тотъ согласился, и бѣдный Манжуръ дикими, блуждающими взорами слѣдилъ за паденіемъ костей; вся душа

его переселилась во взоръ, и страшно сжалась эта душа. Онъ проигралъ ! «Ты выигралъ мое тѣло, играй на душу!» завопилъ онъ въ бѣшенствѣ.—Что мнѣ въ душѣ твоей, равнодушно отвѣчалъ другой игрокъ, и вышелъ. — Тихое, глубокое отчаяніе овладѣло бѣднымъ Манжуромъ: безмолвенъ, неподвиженъ, почти безсмысленъ, сидѣлъ онъ, какъ прикованный на одномъ мѣстѣ, хотя всѣ уже расходились. — Все также какъ у насъ, подумалъ я, и вышелъ.

Публичныя казни представляютъ также зрѣлища довольно частыя, потому что малѣйшее воровство, обманъ въ торговлѣ, наказывается отсѣченіемъ головы. Здѣшній правитель очень остроуменъ въ изобрѣтеніи казней; разъ обвинили въ какомъ-то преступленіи Киргиза и присудили его къ казни: Джанджунъ приказалъ ему отсѣчь голову на границѣ Китайской Имперіи и Киргизской Степи, такимъ образомъ, чтобы голова осталась внутри имперіи, а туловище за ея пре-

дѣлами: «голова, сказалъ онъ, замыслившая преступленіе, всему виной : она должна пасть на чужбинѣ, на мѣстѣ преступленія, а тѣло невинно: пусть его остается на родинѣ.»

Въ Кульжѣ находится монетный дворъ, если можно такъ назвать жалкое заведеніе для чеканенія мѣдной монеты, которой выдѣлывается до 16,000 рублей ассигн., или около 2000 ланъ серебра ежегодно. Здѣшнее высшее учебное заведеніе пользуется заслуженною славой.

Караванъ, получивъ отъ главнаго управленія свои бязи, окрасивъ ихъ въ требуемые цвѣта, вымѣнявъ тайно оставшіеся товары на разныя китайскія произведенія, на чай, кирпичный и черныи, послѣдній здѣсь продается въ банкахъ и не дороже 3 руб. 50 коп. ассигнац. за фунтъ, — оставилъ Кульжу и раздѣлился на нѣсколько частей: одни отправились на Чугучакъ, какъ кажется, для того, чтобы собрать свои долги; другіе къ Кара — Киргизамъ для мѣны

съ ними, какъ ни опасна эта мѣна; третьи, наконецъ, назвавшись подданными Китайской Имперіи, какими-то выходцами изъ Чжунгаріи, безъ труда пробрались въ города Аксу и Кашкаръ.

Отъ Кульжи до Чугучака караванъ слѣдовалъ военными пикетами съ обыкновенными предосторожностями и провожаніями со стороны китайскихъ пограничныхъ начальниковъ. Надобно сказать, что вся покоренная Китаемъ Чжунгарія составляетъ одну обширную военную колонію, прекрасно организованную.— Здѣсь не мѣсто входить въ подробности ея описанія; замѣтимъ однако, что многими учрежденіями, какъ то: переходомъ изъ званія землепашцевъ въ военнослужащіе, по послѣдству, сборомъ поземельной пошлыны, положеніями относительно запасовъ хлѣба и другими,— эта колонія отчасти напоминаетъ австрійскія военныя поселенія, расположенныя вдоль турецкихъ границъ.

Чугучакъ, или Тарбагатай, Суй-Цзинь-

Ченъ въ китайскихъ географіяхъ, не большой городокъ, едва заключающій 600 домовъ, укрѣпленъ стѣною, подобно Кульжѣ, и ровомъ, наполняемымъ водою. Торговля его довольно незначительна. Комендантъ, Ми-Амба, человекъ любознательный и кроткій. Въ Илійскомъ округѣ, къ которому принадлежатъ города Кульжа и Чугучакъ, считается, по показаніямъ Ө. Іакинфа, 271,790 душъ; изъ нихъ военнаго званія 141,940, Туркистанцевъ 34,300, Торготовъ и Хошотовъ 95,550.

Окруженные дозоромъ китайскихъ приставовъ и опасеніями караванъ-баши, мы жалѣли нашей свободной, хотя слишкомъ единообразной жизни на пути въ Киргизской Степи; тамъ природа, какъ ни скудна она, предавалась всей нашей любознательности, а она, въ самой бѣдности, неисчерпаемо богата, а тутъ, заслоняли ее отовсюду то китайскіе чиновники, то собственныя наши опасенія, и мы были постоянно насто-

рожѣ, въ какомъ-то напряженномъ состояніи. Мы однако успѣли разсмотрѣть близъ пути между Кульжей и Чугучакомъ, у китайскаго форпоста, Кумурча, разработку каменнаго угля. Уголь отсюда отправляется въ Кульжу, Чугучакъ и частию во внутрь Имперіи; онъ смолистъ, горитъ ярко, съ трескомъ, и оставляетъ по себѣ много золы; не знаю, спекается-ли онъ въ коксъ. Разработка его ниже всякой посредственности; ею занимаются большею частию ссыльные; за всѣмъ тѣмъ, порядокъ между ними чрезвычайный, чему, конечно, много способствуетъ строгость наказаній за малѣйшій проступокъ.

Въ Илійскомъ округѣ есть обработка мѣднаго рудника, въ Хаштавѣ; но она ничтожна: едва получается 250 пуд. мѣди въ годъ, которая передѣлывается на монету въ Кульжѣ. Прежде, говорятъ, здѣсь мѣдное производство было довольно значительно.

Близъ самой Кульжи, въ лощинѣ, до-

бываютъ селитру, осаждающуюся обыкновенно послѣ дождей. Ее собираютъ желѣзными лопатками, вмѣстѣ съ землею, и потомъ промываютъ въ деревянныхъ ящикахъ. Судя по значительному потребленію ея въ самомъ городѣ, должно полагать, что тутъ выдѣлываютъ порохъ; такъ замѣчаютъ и китайскіе географы; но по всѣмъ собраннымъ свѣдѣніямъ на мѣстѣ, порохъ получается сюда изъ Аксу, и о пороховыхъ заводахъ здѣсь вовсе не слышно.

Признаки золота находятся въ логахъ многихъ рѣчекъ, вытекающихъ изъ Тарбагатайскихъ горъ; но предметъ этотъ еще не обратилъ вниманія на себя китайскаго правительства. Извѣстно, съ какою быстротою развивается золотой промыселъ въ нашихъ вѣшнихъ, или киргизскихъ округахъ, примыкающихъ къ Тарбагатайскому хребту.

Рѣка Или, главнѣйшая изъ протекающихъ по илійскому округу, судоходна для плоскодонныхъ судовъ, кромѣ устья,

занесеннаго иломъ и пескомъ, какъ у большей части рѣкъ Средней Азіи. Городъ Кульжа стоитъ по правую сторону Или. Караванъ переправлялся черезъ эту рѣку по прекрасному каменному мосту, украшенному статуями, впрочемъ довольно плохой работы.

Слѣдуя на югъ отъ Кульжи, вдоль западныхъ границъ Китайской Имперіи, встрѣчаются города: Аксу, въ 7 дняхъ верховой ѣзды, на легкѣ, и въ 20 дняхъ караваннаго хода; отъ Аксу, на два дни, ближе къ Киргизъ-Казачьей степи, Турпанъ и на 15 дней (караваннаго хода) Кашкаръ, а отсюда 4 дни хода до Яркента. Торговля этихъ городовъ изъята отъ монополіи и весьма значительна; нѣкогда заходили сюда и русскіе товары съ такъ называемыми киргизскими караванами. Обыкновенная таможенная пошлина по одному проценту съ сорока, и большею частію берется натурою. Въ городъ Яркентъ всего болѣе привозятся индійскіе товары (черезъ

Тибетъ), какъ то : дорогія шали, тонкія кисеи, кубовая краска, жемчугъ и проч. Въ Кашкарѣ, изъ иностранныхъ товаровъ, болѣе встрѣчается бухарскихъ, между которыми черная и сѣрая мерлушка составляютъ главнѣйшіе. Есть также русскія произведенія: желѣзо, юфть, бобры; все это доставляется сюда большею частію съ бухарскимъ караваномъ. Аксу торгуетъ наиболѣе китайскими произведеніями; — тутъ можно найти хорошій китайскій фарфоръ, чай лучшей доброты и шелковыя китайскія ткани.

Оставляя Киргизъ-Кайсацкую, или правильнѣе Киргизъ-Казачью степь, упомянемъ объ извѣстной гипотезѣ, которую ученые придали этому краю. Дѣйстви-тельно поверхность ея носитъ всѣ слѣды первобытнаго пребыванія своего подъ моремъ, но это событіе до-историческихъ временъ, временъ ея геологическихъ осадковъ, и въ такомъ состояніи, обнимая огромное пространство своими водами,

она не могла однако соединяться съ Чернымъ моремъ, принадлежащимъ къ другой водной системѣ, но должна была направлять свое теченіе къ сѣверо-востоку, этою непрерывной впадиной, которая тянется отъ нея мимо Омска, черезъ Барабинскую падь, до Сѣвернаго Океана, гдѣ она находила свой водный истокъ. На этомъ пространствѣ встрѣчается постепенное развитіе окаменѣлостей, начинаая отъ рыбьихъ позвонковъ, близъ Каспійскаго и Аральскаго морей, до остатковъ мамонтовъ, неподалеку отъ береговъ Океана, занесенныхъ сюда, вѣроятно, съ юга, во время общаго притока водъ, а не застигнутыхъ здѣсь внезапною переменой климата, какъ утверждаютъ нѣкоторые. Эта впадина, склоняемая къ Сѣверному Океану, служить нынѣ притокомъ сѣверовосточныхъ вѣтровъ, господствующихъ постоянно въ степи и наносящихъ зимою опустошительные бураны; соединяя съ Океаномъ степь, загромажденную отъ юга громад-

ными горами, она, по нашему мнѣнію, служитъ главнѣйшею причиною столь суроваго климата въ Киргизской степи.

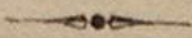
Чрезвычайно разительна видимая убыль водъ въ Киргизской степи и особенно въ западной ея части. Эта страна изрыта глубокими ложбинами, носящими на картахъ названіе рѣкъ и еще недавно наполненными, покрайней-мѣрѣ отчасти, водою, а нынѣ самые колодцы, вырытые въ ихъ руслахъ, примѣтно изсякаютъ; вода, по словамъ Кирзизовъ, уходитъ все въ глубь и въ глубь, и кто знаетъ, не превратится ли весь край въ пустыню, лишенную воды и произрастенія, пустыню, подобную Кизиль-Кумъ, если трудъ и искусство не коснутся его? Не говоря о множествѣ малыхъ рѣчекъ, укажемъ на Эмбу, которая еще на памяти туземцевъ достигала Каспійскаго моря и нынѣ на всѣхъ картахъ наносится въ соединеніи съ нѣмъ, между тѣмъ какъ разстояніе между ея устьемъ и берегомъ Каспійскаго моря до-

вольно значительно : такъ утверждаютъ всѣ, посѣщавшіе ее. Куванъ-Дарья родилась и изсякла на памяти туземцевъ. Приведемъ еще примѣръ, если не столько разительный, покрайней-мѣрѣ основанный на личномъ нашемъ убѣжденіи ; свита рѣчекъ, посѣщенныхъ нѣсколькими русскими офицерами со времени геодезиста Муравина и инженера Назимова (1746), и слѣдовательно не безъ основанія нанесенныхъ на карты подъ именами : Каульджиръ, Тебень, Милисай, Аксай и Джа-Инды, съ прилагательными, прѣсныя, — эти бывшія рѣчки, всѣ перерѣзаны нами ; онѣ представляютъ рывины, въ крутыхъ берегахъ, усѣяныя рѣчнымъ пескомъ, въ которыхъ нисколько нѣтъ проточной воды, (кроме нѣкоторыхъ мѣстъ Каульжира) ; большая же часть колодцевъ, вырытыхъ въ ихъ ложбинахъ, имѣютъ воду довольно солоноватую, а нѣкоторые совершенно тухлую. Въ дополненіе характера рѣкъ описываемой нами части, какъ

вообще всей Киргизской степи, замѣтимъ, что только весьма немногія изъ нихъ, какъ Илекъ, Эмба и Теміръ, имѣютъ постоянное теченіе, другія же то прерываются подземнымъ теченіемъ, то совершенно исчезаютъ въ пескахъ или камышахъ, и вообще очень часто измѣняютъ свое русло; отсюда явилось столько старицъ, покинутыхъ корытъ рѣчекъ, подавшихъ поводъ къ толкамъ туземцевъ и замысловатымъ выводамъ ученыхъ.

Вотъ вамъ краткій журналъ нашего пребыванія за границей, почти въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онъ былъ веденъ во время путешествія: само собою разумѣется, что я исключилъ изъ него тѣ подробности, которыя относятся до края и особенно до мѣстности его, для васъ незанимательныя, и вы, во время самага чтенія, можете усмотрѣть эти пропуски. На обратномъ пути въ Россію, порывы наши къ изысканіямъ и вообще къ дѣятельно-

сти были удерживаемы сначала китайскою подозрительностію, потомъ русскимъ морозомъ. — И вотъ мы наконецъ ступили на русскую землю, взошли въ русскій домикъ, увидѣли надъ собою деревянный кровъ, не выдавъ три мѣсяца другаго, какъ сводъ небесный, или дымный кругъ кибитки; ноги почувствовали подъ собою упругость полу, между тѣмъ какъ онѣ привыкли грузнуть въ снѣгу; увидѣли на столѣ кипящій самоваръ и во кругъ него русскую семью..... О, всѣхъ радостей возврата на родину не перечесть, особенно если возвращаешься изъ Киргизской степи !.....

РЕДЖИТЪ - СИНГЪ.

(ЛАГОРЪ).

РЕДЖИТЪ - СИНГЪ.

(ЛАГОРЪ.)

Магараджа Лагора , Реджитъ-Сингъ, видимо склонялся къ гробу. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которыхъ тѣло , ослабленное сладострастіемъ, разрушенное излишнимъ употребленіемъ опиума и крѣпкихъ напитков , за-живо отзывается могилой; за-то душа его сохраняла всю полноту силъ и мужества. Правда, въ послѣдніе годы жизни онъ бывалъ иногда грустенъ, чего не случилось съ нимъ прежде , но это были минутные , болѣзненные стоны души. И

какъ впрочемъ было не призадуматься, ему, Реджитъ - Сингу, безспорно сильнѣйшему азіатскому владѣтелю нашего времени, ему, создавшему свое государство изъ хаоса безначалія, изъ раздробленныхъ частей, которыми владѣли то непокорные сердари, то отдѣльные властители, — и оставляющему это государство сыну слабому по уму и тѣлу, на жертву безначалія и политики своихъ сосѣдей, своихъ добрыхъ сосѣдей, которыхъ онъ вполне постигалъ !..... Довольно уже было и того, что онъ ясно чувствовалъ приближеніе конца этой жизни, которую онъ старался изжить вполне, не расходуя по мелочамъ, постигая всю ея краткость, это государство, возвращенное и взлелеянное имъ самимъ. Въ самой безграничной власти своей онъ, казалось, обрѣталъ сладострастіе и нѣгу чувствъ, а къ этой цѣли подводилъ онъ большую часть своихъ дѣйствій, держа себя постоянно въ какомъ-то энергическомъ, восторженномъ состояніи; и какъ

объяснить иначе излишество употребленія крѣпкихъ напитковъ и опиума, которое, увеличивая почти ежедневно въ количествѣ и качествѣ, особенно въ качествѣ, онъ пилъ подъ-конецъ, какъ говорятъ, алкоголь, и все еще жаловался, что спиртъ слабъ, и все еще отыскивалъ человѣка, конечно между Европейцами, кто бы могъ приготовить для него что-нибудь покрѣпче этаго. Гаремъ его не походилъ на обыкновенный гаремъ; онъ дополнялся толпами женщинъ всѣхъ званій и націй, между которыми особенно отличались Кашемпирки, — пѣвицы, танцовщицы и разныхъ фокусницъ. Магараджа справедливо называлъ ихъ нерегулярными полками своей гвардіи, и одѣвалъ то въ мужскія платья, то въ прозрачныя ткани баядерокъ. Дѣятельность его была безмѣрна; казалось онъ хотѣлъ ею пополнить краткость человеческой жизни; по цѣлымъ днямъ онъ не слѣзалъ съ лошади, на ней обѣдалъ и даже предавался своей тревожной дре-

мотъ, занимавшей въ немъ мѣсто крѣпкаго, безмятежнаго сна, которымъ наслаждается послѣдній изъ его подданныхъ и который не суждено было ему узнать.

Трудно себѣ вообразить, какъ могла душа, столь мощная, вмѣщаться въ тѣлѣ, такомъ щедушномъ, такомъ ветхомъ. Реджитъ — Сингъ былъ маленькій, тощій, не много сгорбленный старичокъ, слѣпой на одинъ глазъ, глухой на одно ухо, съ лицомъ, испещреннымъ оспой, съ головой, нѣсколько дрожащей въ послѣдніе годы жизни его. Онъ любилъ пышность во дворцѣ: церемоніальная его зала, вся изукрашенная бѣлымъ мраморомъ, еще при индійскихъ императорахъ, отдѣлана имъ при помощи французскихъ офицеровъ, съ роскошью и вкусомъ удивительными; свѣтло-голубая, изящная ткань покрываетъ фестонами весь потолокъ, и для того чтобы болѣе уподобиться небу, усыяна драгоценными камнями и жемчугомъ, вмѣсто звѣздъ: это производитъ необыкновен-

ный эффектъ, по новости своей. Не менѣе богаты и другія отдѣленія его дворца, особенно гдѣ живутъ женщины: мраморъ, мозаика, зеркала и драгоценныя камни составляютъ главное украшеніе ихъ; за всѣмъ тѣмъ Реджитъ-Сингъ предпочиталъ жизнь въ лагерѣ жизни во дворцѣ, гдѣ ему было и душно и скучно; самъ одѣвался бѣдно и небрежно. Дворъ его и всѣ къ нему приближающіеся, по видимому, раболѣпствовали передъ нимъ: никто не смѣлъ произнести слова, покуда онъ не разрѣшитъ говорить особеннымъ знакомъ, а между тѣмъ, едвали одинъ смертный приговоръ былъ произнесенъ имъ втеченіи всего продолжительнаго своего царствованія, — обстоятельство, почти невѣроятное въ жизни азіатскаго властителя. Всѣ его дѣйствія носятъ на себѣ отпечатокъ не только великаго ума, но и человеколюбія. — Особенно замѣчательны его военныя дѣла. Я расскажу вамъ интересное сраженіе.... Но, впрочемъ! я хотѣлъ вамъ

передать только одинъ частный случай въ его жизни, и вотъ готовъ былъ написать вамъ чуть не всю біографію его, едва не увлекся и даѣе. Видите ли, Реджитъ-Сингъ одно изъ тѣхъ немногихъ лицъ въ Азіи, на которомъ отрадно отдохнуть душой, какъ взоромъ на роскошномъ оазисѣ посреди дикой пустыни. Видите-ль, мнѣ все въ немъ нравится; кажется даже его безобразная наружность много потеряла бы, если-бы была нѣсколько лучше, потому что не выражала бы тогда той полноты добродушія, которымъ запечатлѣна она. — Видите-ль, я оставляю Азію, — и можетъ быть навсегда, и можетъ быть не совсѣмъ охотно, — и потому замедляю столь благодатный для васъ «конецъ».

Не думайте, что-бы я былъ пристрастенъ къ Реджитъ-Сингу: я всегда готовъ его упрекнуть за какую-то особенную нелюбовь, за несправедливость его къ Кашемиру. Было-ль тому причиною то,

что населеніе Кашемира состояло большею частію изъ мусульманъ , а Магараджа , несмотря на свою наружную вѣротерпимость, въ душѣ своей не любилъ магомметанъ, или раздраженъ онъ былъ непокорностью этой вновь приобрѣтенной провинціи, только частые и значительные налоги на народъ и многія постановленія показывали ясно, что они произошли не изъ головы Реджитъ-Синга, а изъ души его, взволнованной гнѣвомъ и пристрастіемъ.

Случай, который я хочу рассказать, показываетъ ясно, до какой степени человѣкъ можетъ переработать свою природу , если не вовсе измѣнить ее въ нѣкоторой степени, силою постоянного упражненія и привычки. Въ Лагерѣ ходила молва , что магараджа могъ безвредно принимать всѣ яды, подобно Митридату , и даже находить наслажденіе въ употребленіи нѣкоторыхъ изъ нихъ ; люди недовѣрчивые говорили, что эти слухи распустилъ онъ

самъ, боясь отравы, столь обыкновенной въ Азіи; другіе утверждали, что видѣли сами, какъ онъ употреблялъ ядъ. Вотъ случай, которому былъ свидѣтелемъ Европейецъ, занимавшій мѣсто доктора при лагорскомъ дворѣ.

Реджитъ-Сингъ находился въ Лагорѣ, — а онъ часть года проводилъ въ Амритширѣ, второй столицѣ государства, которая и больше и красивѣе Лагора, — онъ едва воротился изъ лагеря, и не смотря на то, что военныя эволюціи, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, поразили бы даже Европейца своею правильностью, дисциплиною и стройнымъ видомъ войска (*), къ которому его пріучили французскіе генералы, не смотря, говорю, на все это, онъ былъ скученъ; видно было, что душа его съ трудомъ выдерживала болѣзненное состояніе тѣла; утомленіе еще усилило

(*) Замѣчательно, что въ войскѣ лагорскаго магараджи всѣ командныя слова французскія.

раздраженіе нервовъ. Опіумъ и спиртъ не производили обыкновеннаго дѣйствія : ни дремота, ни сладкое самозабвеніе не сходили на него; женщины и другаго рода забавы, къ которымъ онъ прибѣгалъ въ часы скуки, опротивѣли ему. Напрасно приносили ему его драгоцѣнности,—онъ болѣе не любовался ими, а было чѣмъ полюбоваться, правду сказать; едва ли какой государь въ мірѣ обладаетъ подобнымъ собраніемъ драгоцѣнныхъ камней. Кому неизвѣстна исторія когъ-и-пора, «горы свѣта,» алмаза, котораго похождения, по чудесности своей, могутъ сравняться съ любымъ рассказомъ изъ «тысячи и одной ночи». Магараджа равнодушно глядѣлъ на эту «гору свѣта», и блескъ ея, нѣжный, влажный, плѣнительный, не ослѣпляющій, но обворажающій взоры, не производилъ своего обычнаго дѣйствія на этотъ разъ. Дѣйствительно, алмазъ былъ чудесно хорошъ! по блеску его нельзя сравнить ни съ днемъ, ни съ мѣсяцемъ, ни даже съ солнцемъ,

потому что послѣднее ослѣпляетъ, а онъ радуется взоры; вдѣланный въ золотой браслетъ готической формы, величиною въ половину куриного яйца, овальный, превосходной воды, онъ красовался между двумя алмазами меньшей величины, но также съ воробьиное яйцо каждый. — Этимъ не ограничивалась сокровищница магараджи: тутъ былъ рубинъ, извѣстный подъ именемъ «лучъ солнца», названный такъ вѣроятно по продолговатой своей формѣ; этотъ рубинъ вѣситъ 14 рупій; сафиръ, едва ли не самый большой въ свѣтѣ; топазъ и много другихъ драгоценныхъ камней. Какую длинную, какую трогательную исторію можно бы написать объ ихъ происхожденіи; сколько крови видѣли они, сколько страданій доставили иные изъ нихъ своимъ владѣтелямъ. На рубинѣ еще находятся имена прежнихъ его владѣтелей: Ауренъ-Зеба, Ахметъ - Шаха и нѣсколько другихъ. Извѣстно, чего сто-

пло приобрѣтеніе его для Ахметъ-Шаха!.....

Магараджа оттолкнулъ драгоцѣности, бросился на коня и уѣхалъ во всю конскую прыть.

Онъ отправился въ Шахъ-Джиганъ, превосходный садъ, расположенный при Риви, орошаемый каналами и фонтанами; тутъ достигъ онъ до Шахъ-Дара, памятника императора Джиганъ-Дара,—единственные великолѣпныя остатки владычества Монголовъ въ Лагоръ,—и изнуренный сѣлъ въ павильонъ. Въ безмолвіи глядѣлъ онъ на это величественное и изящное созданіе, образованное изъ бѣлаго мрамора, краснаго порфира и самой правильной мозаики. Онъ созерцалъ эти надписи, возвѣщавшія величіе Бога и, рядомъ, громкія прозванія императора, его громкія дѣла, дивившія нѣкогда всю Азію. И только прахъ его здѣсь, подъ этимъ пышнымъ мавзолеемъ, думалъ Реджитъ-Сингъ ! рядомъ еще видны остатки

побѣдъ Земанъ-Шаха, еще недавно угрожавшаго самой Индіи, и что же теперь Земанъ-Шахъ (*)? ослѣпленный старецъ, который живетъ на жалованьѣ у Англичанъ въ Лодіанѣ и забавляется игрушками, какъ школьникъ. Какъ ничтожна жизнь! думалъ онъ. И этотъ человекъ, завоевывавъ царства, сокрушая и созидая, казалось, помышлялъ о вѣкахъ жизни, и какъ кратка была его жизнь; какую ничтожную часть предположеній своихъ выполнилъ онъ, — и не успѣлъ ни однимъ изъ нихъ насладиться. Реджитъ-Сингъ хорошо понималъ философію жизни и «ловилъ минуту», — но все-таки это минута. Самосознаніе своего ничтожества мучило магараджу, давило его, какъ кошмаръ. О, какъ ничтожна жизнь, повторимъ вмѣстѣ съ нимъ; и мы, какъ поденщики, вырабатываемъ день за днемъ въ потѣ, со всѣмъ напряженіемъ страстей, надѣ-

(*) Онъ уже умеръ.

ясь на день грядущій, и новый день настаётъ и находитъ насъ тѣми же труженниками жизни, мечтающими о счастіи, о славѣ, и только мечтающими! — Блаженъ, кого судьба создала дубиной или лозою, которая для нея необходима, лозою, что гнется отъ удара, отъ бурь, и только гнется, и остается невредима отъ бурь житейскихъ.

Созерцаніе праха великаго царя паводило Реджитъ-Синга на мысли самыя грустныя: онъ вернулся домой еще тревожнѣй прежняго и не зналъ, куда бѣжать отъ своей мысли, отъ самаго себя; онъ послалъ за Мар., докторомъ. — Принеси того лекарства, что ты часто давалъ мнѣ. — Это былъ элексиръ селитренной кислоты, который, по нѣскольку капель, распущенныхъ въ водѣ, не рѣдко принималъ магараджа для возобновленія уничтоженной дѣятельности желудка.

Докторъ принесъ ему флаконъ элексира. Каковъ же былъ его ужасъ, когда Магараджа, схвативши флаконъ, зал-

помъ выпилъ весь элекспиръ. Напрасно докторъ предлагалъ ему разныя чистительныя средства: Магараджа прогналъ доктора.

На другой день всѣ посѣтившіе Реджитъ-Синга нашли его въ обыкновенномъ состояніи здоровья и расположенія духа.

Я расскажу другой случай изъ жизни Магараджи, вполне выказывающій его человѣколюбіе.

Однажды онъ находился за городомъ, вдвоемъ, съ кѣмъ-то изъ своихъ любимыхъ сердарей; охранная стража ѣхала вдали посторонамъ, въ такомъ положеніи, чтобы не быть примѣченной имъ: Магараджа не любилъ, чтобы слѣдили его. Сердарь былъ одѣтъ богато, Магараджа по обыкновенію очень скудно. Вдругъ появился изъ перелѣска сеикъ и кинулся съ обнаженнымъ кинжаломъ на сердаря; — тотъ увернулся отъ удара, между тѣмъ подоспѣлъ на помощь Реджитъ-Сингъ и они вышибли сеика изъ сѣдла. Вскорѣ подѣхала и стража, и раненный,

сеикъ былъ взятъ. Онъ признался, что, недовольный, подобно прочимъ сеикамъ, тѣми преобразованіями, которыя производилъ Магараджа въ государствѣ, особенно европейской дисциплиной, вводимой въ войскѣ, онъ рѣшился убить его, и узнавши, что онъ тутъ часто проѣзжаетъ, поджидалъ его еще съ-вечера. Изъ разговоровъ проѣзжавшихъ передъ нимъ путниковъ, и по стражѣ, которую сеикъ видѣлъ вдали, онъ догадался, что одинъ изъ двухъ всадниковъ былъ Магараджа, но никогда не видѣвъ его, принялъ, судя по одеждѣ, сердаря за властителя Лагора и напалъ на него.

«Ты не понялъ моихъ дѣйствій, сказалъ Реджитъ-Сингъ, обращаясь къ виновному, ты не узналъ меня, находясь лицомъ къ лицу противъ меня; можетъ быть ты постигнешь хоть мое великодушіе : ступай и будь свободенъ.»

Прощай Азія ! Прощайте степи, раз-
гульные, безпредѣльные, степи пустын-
ныя ! Видѣли вы меня юношей, полнымъ
надежды, смѣло, съ наслажденіемъ гля-
дящимъ въ вашу даль, въ даль жизни; ви-
дѣли старикомъ, съ поникшею головой,
котораго не радовалъ вашъ видъ, не пу-
гала ваша пустыня, который не мечталъ,
отправляясь въ путь и не восторгался на-
деждой на возвратъ. — Прощайте горы !
Было время, когда я касался вашего за-
облачнаго чела съ какимъ-то торжествен-
нымъ видомъ, какъ бы заколдованной ца-
рицы нашихъ сказокъ, которую должно бы-
ло пробудить мое прикосновеніе, на дѣвст-
венный снѣгъ которыхъ глядѣлъ я, какъ
на постель шестнадцати-лѣтней краси-
цы..... смѣшонъ я былъ тогда. Впослѣд-
ствіи я обходилъ васъ, гдѣ могъ, и смѣял-
ся въ свою очередь надъ вашимъ гордымъ
видомъ. И мы, какъ вы, напрасно ждемъ
удивленія свѣта, напрасно поднимаемся
выше и выше во все-увидѣніе, — все не

достигаемъ , чего желаемъ ; — дивятся
намъ только дѣти.

Читатель, можетъ быть мы еще встрѣ-
тимся, если не надоѣли другъ другу, но
уже въ другомъ краѣ, на иномъ полѣ!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Разсказъ Сипая (Авганистанъ).....	7
Землетрясеніе въ Кашемирѣ (1828 г.).	45
Туркменецъ Рахманъ-Аязъ.....	71
Поѣздка въ Кульжу.....	111
Реджитъ-Сингъ (Лагоръ).....	167

13
451

125

Цена 50 коп. серебромъ.

4

1500213991